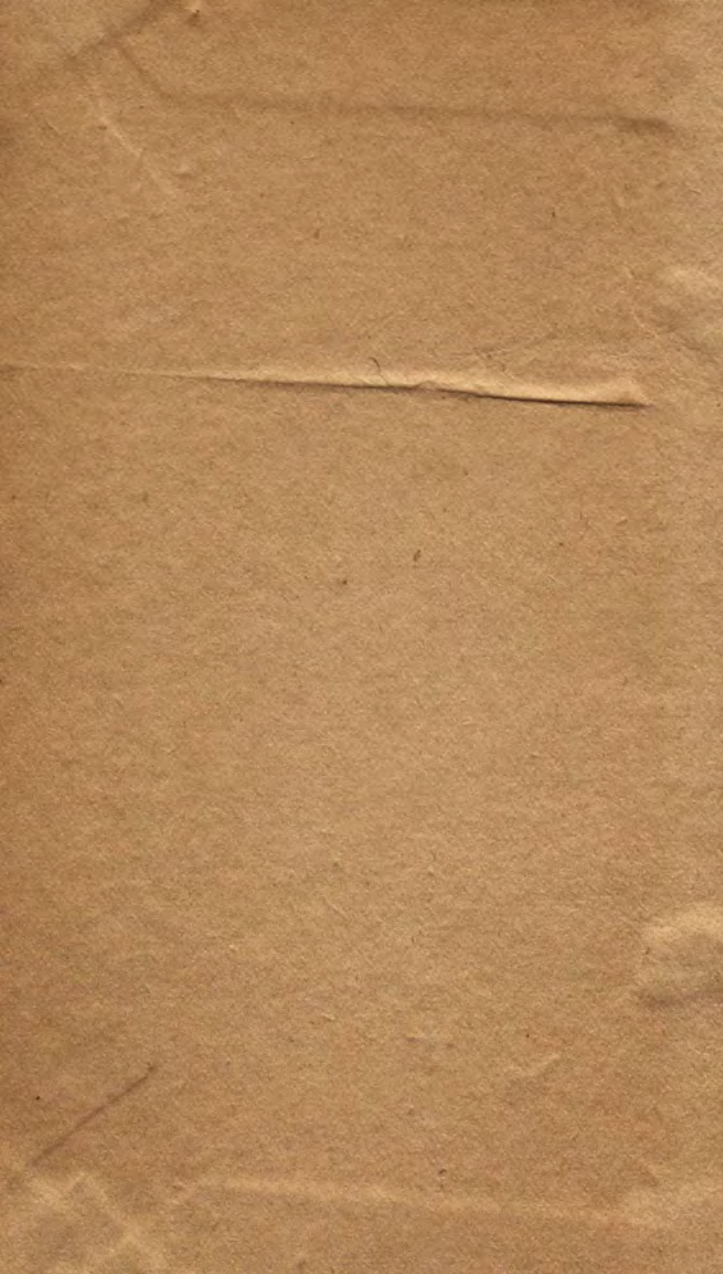
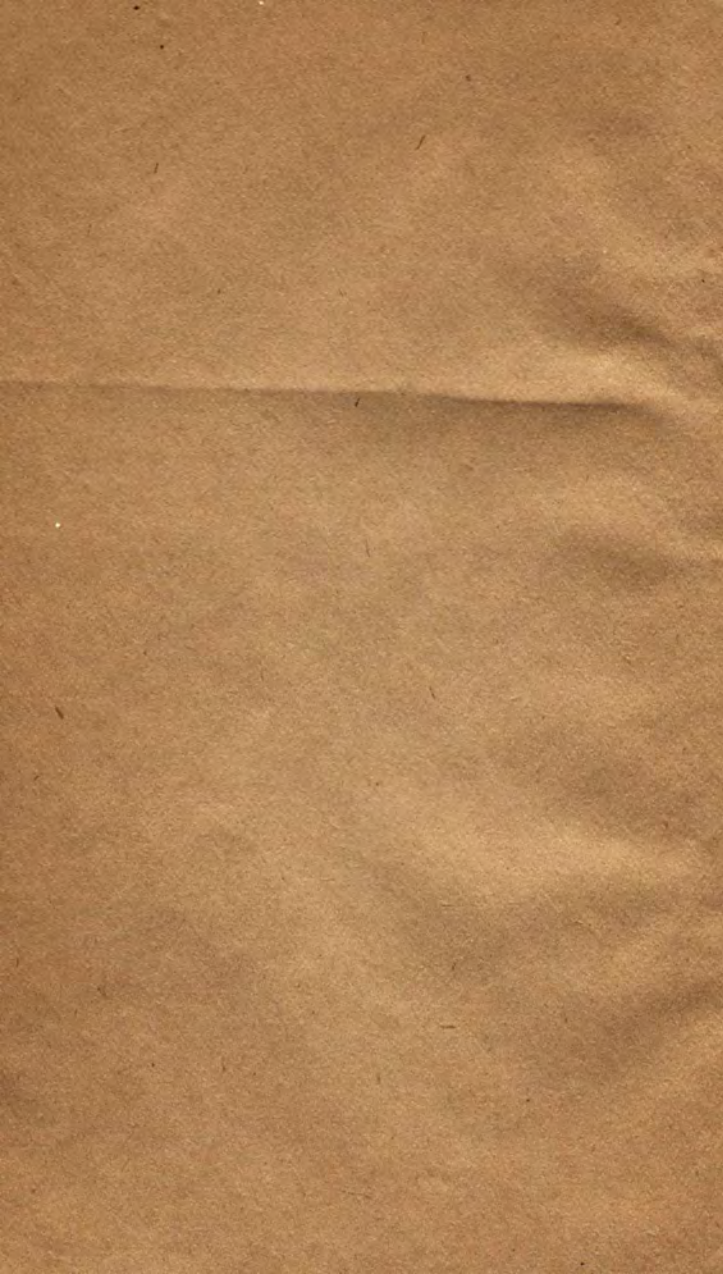

126
A 273

273

ИВАНЪ
СУСАНИНЪ

ИЛИ
СМЕРТЬ ЗА ЦАРЯ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. -2

«Боже! Царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли!»

ЖУКОВСКІЙ.

Сочиненіе Михаила Дмитревскаго.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ НИКОЛАЯ СТЕПАНОВА.

1839.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Ноября 17 дня 1838 года.

Ценсоръ *М. Каченовскій.*

160474-0

2019339340

К В Н Г А И М Р Е Т.

Печать. Листов	Выпуск	В перепл. едня соединя. №№ вкл. 1839	Таблицы	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковых	1948 г.

5

X

352

930

39 т 300 тс.

36 W
- 72
-

Благовѣсть ранней обѣдни кончилась, и мирные жители села Ипатьева толпами шли въ церковь Св. Богородицы Казанскія. Осенній сумракъ еще висѣлъ надъ селеніемъ и изрѣдка свѣтъ утренній начиналъ прорѣзываться яркими полосами.

Въ это время кто-то едва тащился по улицѣ села Ипатьевского и, подойдя къ прекрасному домику, тихо

*

постучался у воротъ и слабымъ, дрожащимъ голосомъ просилъ позволенія войти для отдыха. На голосъ его послышался отвѣтъ, и скоро за нимъ отодвинулся запоръ и отворилась калитка.

Женщина, лѣтъ тридцати, пріятной наружности, показала въ ней и ввела незнакомца въ калитку.

— Изъ далека ли, доброй молодець, путь ведешь? спросила женщина, вводя незнакомца въ горницу. Какъ жаль мнѣ, что теперь не случилось моего свекра и мужа: они бы успокоили тебя; но, думаю, скоро отойдетъ обѣдня; полчаса времени и ты увидишь ихъ.

Это была Анна, невѣстка зажиточнаго крестьянина села Ипатьевского, Ивана Сусанина.

— Благодарю тебя, добрая моя благодѣтельница. О, пошли Господи тебѣ несчетныя милости за твое сердоболіе обо мнѣ! проговорилъ незнакомецъ; и двѣ

крупныя слезы выкатились изъ черныхъ глазъ его.

— Ты спрашиваешь, добренькая, изъ далека ли я? продолжалъ онъ. Изъ Москвы я ѣхалъ въ Астрахань по дѣламъ коммерческимъ *. Было все благополучно; но въ лѣсахъ Муромскихъ напали на меня недобрые люди; все у меня отняли, все — кромѣ одной только жизни, и въ добавокъ наградили вотъ какими подарками....

Здѣсь онъ раскрылъ грудь и запекшаяся кровь на ранахъ доказала справедливость имъ сказаннаго. При видѣ этого Анна вскрикнула и всплеснула руками.

— Да, моя благодѣтельница, еслибъ ты знала все мои страданія, продолжалъ незнакомецъ, то тогда-бъ ты еще болѣе ужаснулась, когдабъ я сказала

* А ему нужно было захватить въ Муромъ.

тѣбѣ о лютыхъ боляхъ во время пути моего; о голодѣ, жаждѣ, страхѣ отъ звѣрей; словомъ, о всѣхъ ужасахъ осенней ночи....

Вдругъ послышался стукъ у воротъ.

— Ахти мнѣ! никакъ они стучатся. Подожди здѣсь, доброй молодець, а я побѣгу отпирать калитку. И Анна скоро вышла изъ горницы.

— Что это, Аннушка? иль согрѣшила—спала заутреню и обѣдню? возразилъ почтенный бородатый старикъ. Вѣдь мы голымя стучимся.

— Нѣтъ, батюшка, я не спала, оборони меня господи! а заговорила съ прохожимъ больнымъ, котораго недавно предъ вашимъ приходомъ впустила въ горницу для отдыха, отвѣчала съ робостию Анна.

— Больной, прохожій... гмъ! про-
бормоталъ сквозь зубы молодой крестьянинъ, идя сзади старика. Стало быть, Анна,

ты не боишься быть одна съ чужимъ женщиной? Ай да хороша баба!

— Перестань, Павелъ, возразилъ старикъ; стыдно тебѣ этимъ укорять свою голубку!... Ты долженъ благодарить Бога, что онъ послалъ тебѣ такую сердобольную жену.

Они вошли въ горницу. Старикъ перекрестился и, поклонившись молодому незнакомцу, сказалъ: Здравствуй, доброй молодецъ! Изъ далека ли, голубчикъ, путь держалъ?

— Съ Москвы, дѣдушка, отвѣчалъ незнакомецъ. Да вотъ видѣшь ли, злые люди напали на меня; все отняли, и въ добавокъ сдѣлали полумертвымъ чело-вѣкомъ....

— Экіе окаянные злодѣи, вздохнувъ сказалъ старикъ; ужъ имъ ли, проклятымъ, не гоньба и не страхъ; никакъ не переведешь эту злую сволочь. Судья имъ Богъ!

— Ну-ка, Анюта, прибавиль онъ усаживаясь на скамью за дубовый столъ, согрѣй-ка намъ тепленькаго збитеньку, а мы поъемъ, да похвалимъ. Да не забудь же захватить на заѣдку горячаго загибня *.

Старикъ этотъ былъ Иванъ Сусанинъ; и Анна, его невестка, поспѣшно вышла изъ горницы, а старикъ Сусанинъ, снова началъ спрашивать незнакомаго.

— Да что, дѣдушка, хорошаго мало: дерутся да рѣжутся Поляки съ нашими православными, да и только. Худо, худо!...

— Ахти горе! тяжело вздохнувъ проговорилъ старикъ. Ой, да ужъ эти проклятые Ляхи не хуже Татаръ стали мучить Святую Русь! Не придетъ на нихъ карачунъ!... А что дальше?

* Загибнемъ назывался въ старину у нашихъ предковъ большой пирогъ.

— Да худы слухи-то носятя, дѣдуш-ка, будто бы Король-то Польскій, чтобъ ему пропадомъ пропасть, хочетъ поса-дить на наше Царство православное своего сына, Королевича Владислава....

— Что ты, что ты, молодець! вскрик-нули изумившись и крестясь старикъ и сынъ. Господи, Господи! что та-кое?... Не ужель и въ правду? Не до-веди Боже до такой напасти! У насъ на Царство Русское есть еще законный наследникъ, Михаилъ Ѳедоровичъ *Ро-мановъ*. Хотябъ и его, нашего батюш-ки, не было, то лучше живымъ всемъ намъ зарыться въ сырую могилу, чѣмъ жить подъ властью басурманскою.... Да и допускать ли до этаго наши храб-рые витязи, князи и бояре! Статное ли это дѣло! Что ты, молодець!

— Да такъ, дѣдушка, все правда твоя. Конечно, врядъ ли допускать по-гибель эту на насъ, а слухи-то, пра-во, плохи. Поляки заплонили Москву,

эту нашу святую матушку; творять что хотятъ. У нихъ и правой виновать и виноватой правъ.... а гдѣ судъ искать? Давай лишь хлѣба, котораго у нихъ нѣтъ; а голодъ-то, дѣдушка, не свой братъ, шутить не любить, то и рѣзня, да грабежъ вездѣ.... О, земля родная! святая Русь!...

У незнакомца полились слезы изъ глазъ; онѣ слились съ горячими слезами старца и его сына.

О, плачьте, плачьте, нѣжныя дѣти, о гибели горячо любящей васъ матери, земли Русской!...

Отъ сильнаго душевнаго волненія у незнакомца взволновалась кровь, раны сильно заныли, и онъ, застонавъ, повалился на лавку.

Старикъ съ сыномъ, при пособіи домашнихъ, скоро подали помощь страдальцу, внесли его въ особую комнату, напоили теплымъ збитнемъ и онъ, усно-

коенный радушіемъ и сердоболіемъ добрыхъ поселянъ, скоро предался сладостному и спасительному сну.

— Какъ не говори, Петръ, сказалъ Сусанинъ, усаживаясь за дубовой столъ, на которомъ стоялъ въ большой чаръ збитень, клокочущій бѣлымъ ключемъ; какъ не говори, а отецъ Игнатій нашъ человекъ благочестивой и святой жизни. Я, право, не могу такъ забыть себя, думая, что я уже не существую на землѣ, но на небесахъ, гдѣ лики небесные восхваляютъ горнія пѣснопѣнія, когда нашъ отецъ Игнатій отправляетъ Божественную службу.

— Правда твоя, батюшка; нечего сказать; умѣеть влить въ душу не только Христіанина кающагося, но и самого закоренѣлаго грѣшника умиленіе и сознаніе... говорилъ набожно Павелъ, другой сынъ его.

— Да гдѣ же Маша? какъ будто опомнившись спросилъ старикъ; я не ви-

далъ ее въ церкви. Она, бывало, становилась всегда съ сосѣдкой Феклой Савишной.

— Да, Марія была въ церкви, коварно улыбаясь, сказала Павель; только не съ Савишной, а съ Груней, ея дочерью. Я видѣлъ, батюшка, какъ она усердно молилась... да только часто поглядывала на Ивана, а Иванъ на нее....

— Охъ ужъ мнѣ этотъ Иванъ, Иванъ! надоѣлъ хуже горькой рѣдьки, сердито проворчалъ старикъ. Ужъ какъ онъ не думай и не гадай, а не быть тому, чтобъ Маша была его женой. Я не люблю разгульныхъ парней: они губятъ нѣжныхъ голубокъ....

— Э, батюшка, да развѣ ты и я молоды не были, и развѣ молодость не удама? Такъ и должно судить по себѣ; а когда состарѣмся, то и на умъ не пойдетъ благое, говорилъ улыбаясь Павель.

— Оно такъ, Павлуша, сказалъ старикъ Сусанинъ; да вѣдь и въ молодости-то не всѣ равны бываютъ. Вотъ какъ я былъ молодцомъ и когда присватался за мою покойницу Филимонову, а вашу мать, — пошли ей Господи царствіе небесное и мѣсто покойное! вздохнувъ и перекрестясь, говорилъ старикъ, — то былъ и до нея и при ней что твоя красная дѣвушка, а не только чтобъ могъ и подумать....

Дверь горницы отворилась; вошелъ гудочникъ боярина Романова, Фадей, одѣтый по праздничному въ красной кумачной рубашкѣ, воротъ коей отороченъ былъ широкимъ золотымъ галуномъ; по поясъ онъ былъ подвязанъ шелковымъ кушакомъ разноцвѣтной ткани; въ голубыхъ плисовыхъ шараварахъ; на ногахъ у него были надѣты зеленые сапоги до колѣнъ, шитые золотомъ; сзади за поясомъ висѣлъ у него на шелковомъ шнуркѣ гудокъ, а въ

правой рукѣ синяя бархатная шапка, обложенная сабольей опушкою.

Фадей снялъ шапку, набожно помолился святымъ иконамъ, которыми украшался весь передній уголъ, и низко поклонился сидѣвшимъ.

— Благочестивому дѣдушкѣ, Ивану Сидоровичу, со всею его доброю челядью кланяюсь, азъ окаянный, и поздравляю со святымъ праздникомъ! *.

— Спасибо, спасибо, голубчикъ! улыбаясь и поглаживая бороду говорилъ Сусанинъ. Ну-ка, любезный Фадеюшка, садись-ка съ нами поить горячаго збитеньку; право хорошъ, не хуже боярскаго....

— И вправду? ну такъ дай погрѣться, улыбаясь сказалъ Фадей.

Ему налили стожку, другую, онъ выпилъ и поморщился.

* Это былъ день Казанскія Божіей Матери, Октября 22-го дня.

— Нѣтъ, Сидоровичъ, правду матку сказать, мнѣ Фадейкѣ чтобъ не солгать: збитенежъ-то хорошъ, куда какъ хорошъ, а, право, горѣлка будетъ по-лучше его.

— Ахти мнѣ, я не догадался ею тебя поподчивать сперва, сказалъ старикъ. Ну-ка, Анюта, поднеси Фадеюшкѣ стопку горѣлки, прибавилъ онъ оборотясь къ сидѣвшей возлѣ него невѣсткѣ. Да смотри же, Фадеюшка, чуръ не даромъ: или побаску сказать, иль пѣсенку спѣть—не такъ ли?

— О, конечно, изволь, другъ! примигивая говорилъ гудочникъ Фадей.

Вошла въ горницу Анна, неся большую стопку съ зеленымъ виномъ.

— Выпей-ка, добрый Фадеюшка, да спой намъ чтонибудь. Въдь, право, ты большой мастеръ! проговорила Анна, поднося стопку.

— Изволь, моя голубка только слушай; всѣхъ васъ распотѣшу! отвѣчалъ Фадей.

Онъ взялъ стопку, перекрестился, поклонился на четыре стороны и осушилъ ее до дна.

— Вотъ такъ дѣтина любить и жаждетъ насъ! * сказала улыбнувшись старикъ Сусанинъ.

— Подлинно правда твоя, Иванъ Сидоровичъ: всѣхъ васъ люблю. Да гдѣ же моя ненаглядная пташечка, алой цвѣтъ? озираясь на всѣ стороны говорилъ Фадей.

— Да ктожъ это? спросилъ Павелъ.

— Да кто! твоя юная малиновка, сиротка, племянница, отвѣчалъ Фадей.

— А, да это Маша что ли?

* Въ старину было обыкновеніе: кто пьетъ до капли, до дна, это было знакомъ желанія добра, благополучія и любви.

— Ну да, она точно!

— Да гдѣ тамъ Марья-то, что она дѣлаетъ? спросилъ сердито старикъ Сусанинъ у своей невѣстки. Что она нейдетъ сюда посю пору?

— Тотчасъ придетъ батюшка. И Анна пошла за Марьей.

— А я пока попридумаю пѣсенку скажамъ гудочникъ.

Анна долго незамѣдмила, и ввела съ собою Марію. Она была во цвѣтъ лѣтъ розовой юности, на семнадцатой веснѣ своей жизни; и Анна любила душею свою заловку, милую Марію. Она походила на ангела невинности и красоты: поступь величественная, станъ стройный, бѣлизна лица ослѣпительная....

Марія, при входѣ въ горницу, увидѣла перваго гудочника, и сердце ея сильно забилося, алыя розы разсыпались по нѣжнымъ щекамъ ея, и она была теперь во всемъ блескѣ прелестей

дѣвственныхъ; какое-то тайное чувство потрясло ея душу и все тѣло.... Причину этому знала одна только Марія, а болѣе никто. Едва оправившись отъ такого критическаго смущенія, она подошла сперва почтительно къ дѣду, поцѣловавъ у него руку; потомъ къ отцу и дядѣ, и застѣнчиво поклонилась гудочнику; а онъ отвѣчалъ ей низкими поклонами.

Марія, сдѣлавъ всѣ привѣты, съѣла возлѣ второй матери — Анны. Да, она не видала свою родимую, и лишилась ее еще бывши въ пеленкахъ....

Гудочникъ снялъ съ пояса инструментъ, пріосанился, кашлянулъ и запѣлъ:

«Ахъ, вы люди, люди добрые!

Вы умѣете хлѣбосоляничать;

У кого же есть хлѣбъ и соль,

То надъ тѣмъ и милость Божья, благодатная,

Благодатная, и свѣтлая, великая.

Вотъ прислушайтежъ, люди добрые,

Пѣснь мою, пѣсню заупивную...
 Ой да пѣсня эта, былъ-то жалкая!
 Какъ былъ молодецъ, ясенъ соколъ
 Какъ не зналъ онъ не заботушки и не кручинушки.
 Онъ леталъ, порхалъ какъ весеня
 Птичка нѣжная, толь малиновка.
 И всѣ дѣвушки, и всѣ красныя
 Снаряжались, увивались всѣ во кругъ его;
 Отъ него же взгляда милаго, слова ласкова
 Не слыхали. Только соколъ нашъ
 Сталъ грустить, скучать, одинъ—
 Поголубушкѣ сизокрыленькой,
 По цвѣточку какъ небесному,
 Розѣ Майской, краѣ ангельской.
 И голубушка сизокрылая поняла его...
 Поняла его и приголубила,
 Другомъ нѣжнымъ назвала его.
 Поклялись они, сговорилися
 Вмѣстѣ жить однимъ неразлучными—
 Гдѣбъ то ни было, за морями-ли...
 Вы же спросите, причина что тому?
 Та причина, что родители
 Не хотять отдать за парня милаго;
 Не хотять назвать зятемъ добренькимъ...
 То зачѣмъ же двумъ сердечушкамъ
 Изнывать въ сей безнадежности?
 Умереть не развернувшись цвѣтикомъ?
 Вотъ и пѣсня вся моя;
 Похвалите или похулите,
 То и тѣмъ доволенъ буду я!»

— Пѣсня-то хороша, Фадеюшка, да то горе, что молодца-то жалко, что не выдаютъ за него голубку-то сизокрылую! Жалко, говорилъ старикъ Суесанинъ, улыбаясь и поглаживая бороду.

— А помнѣ такъ не жалко, сказалъ Петръ, взглянувши коварно на гудочника. Туда ему и дорога! видно хорошъ дѣтина!

— Нѣтъ, Петръ Ивановичъ, отвѣчалъ, вставая, гудочникъ Фадей; а дѣло въ томъ, что парень-то хоть куда, да вотъ видишь ли что, счастье ему не лучается, а вѣдь счастье дѣло великое во всемъ. Ты не повѣришь, Петръ Ивановичъ, какъ аногдась прилучилось одной голубочкѣ сизокрыленькой полюбитья, да кому же бы ты подумалъ? Боярину! да боярину еще знатному; да и что же бы ты подумалъ? Бояринъ раза три ее видѣвши такъ впалился въ нее, что честнымъ пиркомъ да и за свадебку. Вотъ какъ дѣлають и Бояре, а

уже нашей челяди и давнымъ давно простительно.... Ой, да время и мнѣ идти! Я съ вами много заболтался.—Простите!

Фадей хотѣлъ было идти; но его удержали: поднесли чарку, другую. Фадей снова развеселился; сталъ каламбурить, пѣть, плясать; словомъ, онъ былъ душою сельскаго праздника. Всѣ его упросили и укланялись остаться у нихъ до вечера, когда начнутся праздничныя игры и хороводы. Гудочникъ послушался, исполнить общую просьбу.

Наступилъ вечеръ. Все село пришло въ движеніе. Отъ одного конца до другаго раздавались веселья пѣсни, гудки и свирѣли: это былъ праздникъ села Ипатьева. Красныя дѣвушки составили разнообразныя хороводы и подъ громкими пѣснями начали плясать и кружиться; а молодые крестьяне издали смотрѣли на невинную игру ихъ. Каждый изъ нихъ наслаждался взоромъ, можетъ быть отраднымъ его сердцу, ко-

торый искалъ себѣ подругу въ этой безотчетной, беззаботной игрѣ невинности!

— Ба, Фадеюшка, слава Богу, я нашель тебя! подходя къ толпѣ мужчинъ, говорилъ молодой крестьянинъ гудочнику, дернувъ его за кафтанъ.

— Ахъ, Иванъ Петровичъ, здравствуй! кивнувъ головой отвѣчалъ гудочникъ; а я тебя, другъ, ищу уже давнымъ давно.

— Хорошо; хорошо, да гдѣ она, гдѣ моя милая голубка, прекрасная Марія?

— Я и самъ смотрю давно, да не вижу какъ ее, такъ и Груню, ея подругу.

— Что за чудо, да она не у Груни ли въ гостяхъ? Пойдемъ-ка, освѣдомимся. И Иванъ, взявъ за руку годочника, побѣжалъ съ нимъ къ дому Груни, подруги Марьиной.

Подходя къ дому, они увидѣли, что ворота были заперты замкомъ и окна закрыты.

— Что это значитъ? вскричалъ Иванъ; гдѣжъ онъ?...

О, теперь-то я догадываюсь, приставя палецъ колбу, сказала гудочникъ. Марія должно быть дома и Груня съ матерью у ней; да надобно думать и еще много кой кого толкнулось....

— Что такое? Говори, ради Бога, скорѣй! дрожащимъ голосомъ вскричалъ Иванъ.

— Не пугайся; вотъ видишь ли, что я слышалъ, когда былъ давеча въ гостяхъ у Ивана Сидоровича: то проговаривали, что будто припожалуетъ къ намъ на праздничную вечеринку нашъ знатный бояринъ, Михаилъ Федоровичъ Романовъ, со своею родимой; то не думаю, чтобъ были гости званые, потому что нашему боярину, ты самъ,

знаешь, не до веселья, когда о его родителѣ-батюшкѣ и вѣсти нѣтъ!...

— Жалко молодого боярина, Фадюшка; но Господь Богъ милостивъ, авось возвратитъ ему его родимаго. Давно я не видалъ этаго боярскаго юношу; хочется и мнѣ посмотреть на него. Такъ пойдемъ туда. Но какъ же, Фадюшка, я увижу мою милую Марію?

— Какъ! вѣдь я тебѣ далъ слово помочь и помочь. Мнѣ же непременно должно быть тамъ: мой дорогой бояринъ въ гостяхъ, и ктожъ его долженъ распотѣшить, какъ не я? Да и грѣхъ бы мнѣ было, еслибъ я осмѣлился не сдѣлать этаго: онъ мой благодѣтель, второй отецъ родимой!

Разговаривая такимъ образомъ, они подошли къ дому Сусанна. Изъ оконъ отражался яркій свѣтъ; у воротъ кишель народъ; все было тихо: ни пѣсенъ, ни свирѣлей не было. Гудочникъ подвелъ Ивана къ крайнему окну отъ задняго

угла, и что-то шепнулъ ему на ухо; а самъ лѣтмя побѣжалъ къ воротамъ.

— Матушка ты моя родимая, государыня! какъ обрадовала, одарила счастьемъ меня старика, своимъ посѣщенцемъ съ ненагляднымъ своимъ цвѣтикомъ сынкомъ роднымъ, и со всею своею челядью на праздникъ нашъ! Право, государыня, милостивая матушка, не забуду и умираючи! прослезясь говорилъ старикъ Сусанинъ боярынь Романовой.

— Спасибо тебѣ, добрый старикъ, Иванъ, что ты любишь насъ искренно: это я вижу изъ словъ твоихъ; для того-то я и приѣхала съ сыномъ-надеждою, чтобъ развлечь на праздникъ хотя нѣсколько горькую тоску души моей. *

* Боярынь Федоръ Никитѣвичъ Романовъ отправился въ Москву для засѣданія въ Верховномъ Совѣтѣ, а оттуда былъ имъ посланъ, какъ предста-

Она заплакала — и молодой юноша, Ангель собою, сидя подлѣ матери и увидя ея слезы, бросился къ ней, и руками невинности обвивъ ея шею, лобызалъ свою родимую, умоляя ее забыть горе, хотя и лютое ихъ сердцу.... и юноша, коего Провидѣніе хранило для славы и чести земли Русской, находясь подлѣ непосредственнымъ покровительствомъ промысла Вышняго, который осѣнилъ его своею благодатию, и этотъ юноша утишилъ слезы и горе своей родимой о любезномъ ихъ родимомъ!

— Родимая! плача говорилъ Михаилъ, не ты ли дама мнѣ честное и вѣрное слово, чтобъ не грустить и не плакать по родимомъ; но теперь ты не сдерживаешь этого слова. Богъ съ тобой! За чѣмъ же

витель его, въ Польшу къ Королю Каземиру, гдѣ былъ задержанъ въ крѣпости и заключенъ въ оковы.

Замѣч. Автора.

мы прїѣхали сюда къ этому доброму старику, котораго любилъ и нашъ родимой, какъ не для того, чтобъ забыть наше горе, наше несчастіе?

Слова сына-Ангела подѣйствовали на мать: она успокоилась, а съ этимъ вмѣстѣ все пришло въ порядокъ. О, конечно, все зависитъ и все начинается и кончается отъ главнаго и главнымъ; а если скорбь возсѣдаетъ на первомъ мѣстѣ—эта кара роду человѣческому, то что можетъ быть прїятнымъ для сердца? Плачь, стоны, рыданія—вотъ ея дщери, вотъ ея питомцы! Онѣ грызутъ сердце—сердце съ нѣжными чувствами. Но сердца холодныя, сердца жестокия, онѣ далеки отъ этихъ чувствованій, какъ далеко небо отъ нашей планеты!...

Боярыня успокоилась отъ словъ сына; все по прежнему приняло веселый видъ и снова началось радостное пиrowанье.

— Ба, ба! Фадейка здѣсь! вскричалъ радостно Михаилъ Ѳедоровичъ. Родимая, оборотясь къ матери прибавилъ онъ, и Гудочникъ нашъ здѣсь.

Фадей сталъ отвѣшивать низкіе поклоны.

— Гдѣ тебя не видно было, Фадей? гдѣ ты шатался? томно проговорила Романова.

— Ой, матушка-государыня моя! гдѣ бы я не шатался, а все во власти вашей, матушка: спѣть ли, сыграть ли — все зависитъ отъ твоего приказа и воли, низко кланяясь говорилъ гудочникъ Фадей.

— Да, я тебя знаю, Фадейка, сказалъ Михаилъ Ѳедоровичъ, ты большой плутъ на прибаутки; изъ моря сухъ выйдешь. О Фадейка! воръ Фадейка!

— Нѣтъ, батюшка, родимой бояринъ, что на душѣ, то и на сердцѣ. Право не лгу! И Фадей сталъ на колѣни предъ

бояриномъ и его матерью; цѣловаль ихъ руки.

Гудочника заставили пѣть и распорядиться хорОВОдами; а боярыня, оставивши сына своего съ бояриномъ *Болговымъ*, его наставникомъ, встала — дала знакъ Сусанину, чтобъ онъ отвелъ ее въ другую горницу. Старикъ не замедлилъ исполнить приказаніе своей повелительницы, и тотчасъ, взявъ свѣчу, пошелъ впереди ея. Пройдя горницы съ двѣ, и перейдя черезъ сѣни, онъ поднялся по лѣстницѣ и ввелъ Романову въ свѣтлицу; она была небольшая. Постави въ свѣчу на столъ, Сусанинъ перекрестился и сталъ къ двери; но Романова подозвала его къ себѣ и сказала, чтобъ онъ сѣлъ возлѣ нея.

— Иванъ, такъ начала Романова, тебѣ извѣстна причина отбытія моего мужа въ Москву; тебѣ, можетъ быть, извѣстны и несчастія его; но скажи мнѣ, не знаешь ли ты чего подробнѣе о мо-

емъ мужъ, о Москвѣ, о участи земли нашей, святой Россіи? О, еслибъ я могла читать будущее и знать, что быть ли доброму или худому!... Иванъ, тебя любилъ мой мужъ и ты не скрой отъ меня, если знаешь все это....

Она замолчала. Сусанинъ потеръ лобъ и сказалъ: Родимая, родимая! знаю, что твой неизмѣнный другъ, а мой высокой бояринъ, любилъ меня и жаловалъ, и что знаю и вѣдаю, то скажу тебѣ, что и я слышалъ тоже отъ добраго Москвича, которой и теперь еще у меня: наша матушка Москва взята проклятыми Ляхами; въ ней голодъ, да рѣзня. Нѣтъ счастья нашему отечеству православному!

— Господи Боже мой! что слышу я? всплеснувъ руками проговорила Романова и залилась слезами. О жестокий рокъ, о кара Господня, ниспосланная на землю Русскую за наши грѣхи!...

— Да, боярыня-матушка, почти плача говорилъ Сусанинъ; но это еще не все: есть еще сильнѣе, еще важнѣе ударъ сердцу православному: Король Польскій хочетъ посадить на наше Царство православное своего сына Владислава....

— Возможно ли? Господи Иисусе Христе! не приведи всѣмъ намъ дожить до такой гибели, не приведи Господи видѣть такой страшный конецъ нашему Царству! говорила, плача Романова. Впрочемъ, я желала бы знать объ этомъ по подробнѣе и видѣть этаго Москвитянина, который, какъ сказалъ ты, у тебя; можетъ быть я узнала бы отъ него еще болѣе и что нибудь о моемъ мужѣ....

— Я готовъ, государыня-матушка, исполнить твое желаніе: тотчасъ пойду, приведу его сюда.

Сусанинъ вышелъ, а Романова пре-

далась размышленію о судьбѣ несчастнаго своего друга.

Увы, злополучная супруга! ты еще не знаешь, что почтенный твой другъ угнетенъ бѣдствіемъ и страждетъ въ дали отъ тебя въ мрачной темницѣ, обремененный тяжкими оковами! Ты не знаешь, добродѣтельная изъ женъ, что твой другъ утоляетъ свой голодъ и жажду загнившимъ черствымъ хлѣбомъ и испорченною водою!...

Вошелъ Иванъ Сусанинъ въ свѣтлицу, а за нимъ блѣдный молодой человекъ. Остатокъ болѣзни еще ясно виднѣлся на лицѣ его и въ глазахъ. Онъ низко поклонился Романовой и сказалъ: Ты, милостивая боярыня, изволила спрашивать меня чрезъ этаго добраго моего благодѣтеля? я тебѣ нуженъ?...

— И очень, доброй молодець, отвѣчала Романова. Я слышала отъ старика, котораго ты величаешь своимъ благодѣтелемъ, что ты изъ Москвы?

— Такъ точно, милостивая боярыня, отвѣчалъ съ поклономъ Рисуновъ.

— Не можешь ли ты мнѣ повѣдать подробно все, что есть теперь въ Москвѣ, и не слыхалъ ли ты чего о бояринѣ Романовѣ?

— Романовѣ!... изумившись проговорилъ Рисуновъ, и приложилъ палецъ къ губамъ своимъ.

— Чему же ты такъ удивился, когда я назвала тебѣ прозваніе боярина? Развѣ ты его знаешь? развѣ....

— Матушка, добрая матушка! вбѣгая въ свѣтлицу говорилъ молодой бояринъ Михайль Романовичъ; уже давно за полночь; время и намъ съ тобою, моя родимая, ѣхать домой....

Этимъ прервался почти начатой разговоръ боярыни Романовой съ Москвитяниномъ. Она сказала своему сыну, что разговаривала съ добрымъ старикомъ о важномъ дѣлѣ, а потому такъ и замѣшкалась. Вставъ, она сошла съ

свѣтлицы внизъ, что-то тихо сказала Сусанину, и поблагодаривъ его за радужный пріемъ, разсталась съ его семействомъ. Съвѣ съ сыномъ и его наставникомъ, бояриномъ *Болговымъ*, въ зимнюю колымагу, поѣхала въ мѣсто своего уединенія и молитвы — монастырь *Ипатьевскій*.

Начинало вечерѣть, какъ какой-то мужчина, очень хорошо закутанный въ армякъ, тихо прокрадывался съ задняго забора, гдѣ жилъ Сусанинъ, и отвернувъ щеколду у калитки, которая вела въ большой садъ, тихо отворилъ ее, и перейдя чрезъ порогъ, вошелъ въ садъ и также тихо притворилъ калитку. Здѣсь онъ сталъ озираться на всѣ стороны, остерегаясь, не замѣчаетъ ли его кто; но убѣдившись, что все спокойно, пошелъ по тропкѣ, которая вела въ правую сторону. Углубляясь все далѣе и далѣе, онъ подошелъ къ *цвѣтнику*: здѣсь онъ остановился, снова оглядѣлся кру-

гомъ и таинственно свистнулъ. На этотъ свистъ выскочилъ изъ-за задняго угла гудочникъ Фадей.

— Ты ли это, Иванъ? робко прошептала гудочникъ, подойдя къ нему и дернувъ за полу его армяка.

— Точно я, также тихо проговорилъ Иванъ. Что же, скоро ли? гдѣ она?

— Помедли немного и она будетъ твоя... Взойдемъ сюда.

Они отворили тихо дверь цвѣтника и, взойдя въ него, сѣли на лавку.

— Ну скажи, Бога ради, какъ приступить мнѣ къ дѣлу? Я весь дрожу и боюсь, чтобъ чего не случилось съ нами... Если узнаютъ, погибла моя головушка съ плечъ!... говорилъ Иванъ.

— Не бойся глупенькой. О, да ты еще не обстрѣленная птичка; а этакая птичка и куста бойся! Постой же, я тебя поправлю. И съ этими словами Фадей вынулъ изъ запазухи флажку съ зеленымъ виномъ.

— Ну-ка, дружнице, выпейка изъ этой смѣлости хлѣбка четыре полныхъ, тогда не то заговоришь. И Иванъ взялъ изъ рукъ Фадея флажку и, осушивъ ее почти до половины, отдалъ обратно ему.

— Ну, теперь за мной чередъ, сказала Фадей, и флажка осушена. Слушай же, Иванъ, прибавилъ онъ, ты будь пока здѣсь, а я ястребомъ буду за дверьми сторожить невинную нашу голубку сизокрылую. Какъ кашляну три раза, то ты будь на готовѣ у дверей для встрѣчи. Смотрижь, а теперь пока по призадумайся....

Фадей, сказавъ это, вышелъ и затворилъ дверь, а Иванъ остался одинъ. Воображеніе у него заиграло отъ напитка Бахусова; нетерпѣніе кипѣло и клокотало въ немъ подобно растопившейся смолѣ; онъ жаждалъ, онъ горѣлъ скорѣе узрѣть свою любезную, излить вполнѣ все чувства воспламенѣнной души своей, и сказать ей: я твой на вѣки, а

ты моя, и уже ни какая земная власть да не въ силахъ будетъ разлучить насъ!...

Чу!... послышался кашель; Иванъ очнулся отъ сладостныхъ грѣзъ, вскочилъ и опрометью бросился къ двери. Дверь тотчасъ растворилась настежь, и трепещущая, невинная Марія пала въ объятія молодаго юноши.

— Ради Бога, не погуби меня, Ванюша! Я дала тебѣ слово видѣться съ тобою, и исполняю его....

— О, теперь я счастливѣйшій изъ смертныхъ! въ восторгѣ и сжимая ее въ объятіяхъ своихъ, говорилъ Иванъ. Чего моя родимая душа желала, къ чему стремился я, и все теперь исполняется сверхъ моихъ ожиданій. О, неоцѣненная Марія, теперь моя душа слилась съ твоей душею; теперь я вѣрю, ты меня любишь, моя Марія! и никто не разлучитъ меня съ тобою!...

— Никто, никто, мой милой, роди-

мой Ванюша! Да, я люблю тебя выше всего земнаго.

И Иванъ и Марья впервые напечатлѣли взаимные, завѣтные поцѣлуи пламенной любви и вѣчной дружбы....

— Марія! въ восторгъ чувствъ проговорилъ Иванъ, я искалъ счастья и нашелъ его; я гонялся за нимъ и это счастье моя Марія! Да, она сама пришла ко мнѣ, чтобъ напиться изъ общей чаши любви и вмѣстѣ раздѣлить это общее наше счастье, это блаженство неземное....

Разставаясь, Марья сняла съ правой руки золотое кольцо и отдала его Ивану, какъ залогъ вѣчной и неизмѣнной любви; а Иванъ снялъ съ своей груди золотой крестъ, который получилъ онъ при святой купели, и надѣлъ на подругу жизни своей.

— Это кольцо души-дѣвицы всегда будетъ ясно, какъ ясно солнце на си-

невѣ неба, до тѣхъ поръ, пока будетъ у тебя, Марія; а потускнѣетъ, когда ее у тебя не будетъ, говорила Марья, отдавая Ивану свое кольцо.

— А этотъ святой крестъ никогда не лишится своего блеска, пока будетъ жить твой вѣрный Иванъ, и когда ты мнѣ не измѣнишь...

И они оба поцѣловали съ благоговѣніемъ священные залоги, и перекрестясь, каждый изъ нихъ надѣлъ свой завѣтъ.

— Вотъ такъ по нашему! сказалъ Фадей и перекрестился, прибавивъ: Слава Богу, я радъ отъ души, что могъ соединить васъ, мои родимые....

И Марья и Иванъ, плача, обнимали Фадея, благодаря его на участіе въ ихъ судьбѣ. Иванъ сунулъ ему въ руку нѣсколько серебряныхъ монетъ.

Они разстались—и Марья, какъ серна, преслѣдуемая охотниками, пустилась бѣжать подъ кровь родительскій, полная

надежды на свое счастье, на свое блаженство; а Иванъ съ гудочникомъ пошли въ обратный путь, и достигнувъ благополучно калитки, вышли на свободу, будучи внѣ всякой опасности.

Осеннее солнце едва только выкатилось изъ-за горизонта, какъ Сусанинъ мчался на лихой тройкѣ съ молодымъ купцомъ Рисуновымъ къ монастырю Ипатьевскому. Прошло немного времени, и они уже были у воротъ святой и уединенной обители. Подъѣхавъ къ воротамъ, они остановились. Сусанинъ постучался въ ворота и на стукъ его послышался голосъ привратника, загремѣлъ запоръ и отворилась калитка святыхъ воротъ. Черная голова, съ включенными волосами и сухощавымъ лицомъ, выглянула изъ калитки: это былъ привратникъ Матвей.

— А, Иванъ Сидоровичъ! что такъ раненько подъѣхалъ къ намъ? Еще не

отошли и заутрени, кланаясь говорилъ привратникъ.

— Да есть дѣльце, дружище, до боярыни Романовой.

— Ну, это дѣло твое; да кажись, она еще не оставила своего ночнаго ложа. Да впрочемъ, Иванъ Сидоровичъ, освѣдомись самъ.

И привратникъ отворилъ настежь калитку. Сусанинъ, войдя въ обитель, снялъ шапку, три раза перекрестился и сдѣлалъ въ поясъ поклонъ привратнику Матвею. Его примѣру послѣдовалъ и купецъ Рисуновъ. Лошадей привязали къ монастырской оградѣ, за которыми вызвался сторожить привратникъ.

Пройдя длинную аллею, они повертели въ право и вошли на завѣтное крыльце терема боярина Романова. Сусанинъ здѣсь тихо постучался; вышелъ боярской слуга и ввелъ его съ товарищемъ въ пріемную горницу, гдѣ

служитель попросилъ ихъ по приотдохнуть немного; а самъ пошелъ извѣстить о ихъ прїѣздѣ. Они не долго дожидались. Молодой бояринъ, Михайль Ѳедоровичъ, вышелъ къ нимъ, и сказалъ, что матушка его имѣеть нужду въ молодомъ Москвитянинѣ и хочетъ съ нимъ говорить; а старика Сусанина просить подождать въ этой горницѣ, куда она не замедлитъ придти послѣ.

Рискуновъ почтительно поклонился молодому боярину и пошелъ за нимъ. Пройдя нѣсколько горницъ, они вошли въ отдохновенную боярыни Романовой.

Эта горница была мрачна, и по ней разливался какой-то таинственный свѣтъ изъ узкихъ косячатыхъ оконъ и лампадъ, теплющихся предъ святыми иконами. Рискуновъ остановился у дверей горницы и въ безмолвіи ожидалъ Романову.

Она не замѣшклась выходомъ. Онъ низко поклонился, боярыня сѣла въ

кресла противъ него; сынъ ея сталъ подлѣ нея.

— Повѣдай же мнѣ теперь, молодой Москвичъ, участь нашего древняго града, скажи мнѣ подробно, что извѣстно тебѣ о судьбѣ нашего православнаго Царства, и чему ты изумился, когда |я вчера спросила тебя о бояринѣ Романовѣ, моемъ мужѣ? спросила купца Рискунова Романова.

— Не слишкомъ-то радостны вѣсти-матушка-государыня, повѣдаю тебѣ съ нашей Москвы бѣлокаменной; но когда ты хочешь знать всю злосчастную судьбу ея, то слушай и крѣпись духомъ; не солгу ни единого слова.

— Аминь! сказала перекрестясь Романова. Богъ да укрѣпитъ меня и благословитъ твое начало!

— Вѣдомо тебѣ, государыня-матушка, такъ началъ Рискуновъ, какой ко-

нецъ получилъ этотъ проклятой еретикъ, самозванецъ. *Гришка Отретьевъ*, но не вѣдомо для тебя, сколько онъ привелъ съ собою рати Польской въ наше Царство православное, такъ что заполонили всю нашу матушку Москву эти проклятые Ляхи; а по смерти этаго разбойника *Отретьева*, какъ свѣдали объ этомъ послѣ отъ него же самого, что онъ самозванецъ, стали грабить и насильничать у насъ Москвичей все доброе наше, нажитое нашими дѣдами и отцами. Не вытерпѣло сердце Русское отъ такого неслыханнаго своеволя и грабежа: заблистало оружiе и началась рѣзня кровопролитная, жестокая!... И много бы, государыня, погибло народа православнаго, если бы не подоспѣли на совѣтъ и помощь наши добрые князья и бояре, и не унялибъ эту кровавую борьбу съ басурманами. Но не на долго было возстановлено спокойствiе! Скоро послѣ этаго дѣла прiѣхалъ въ Москву

Польскій Королевичъ, по имени Владиславъ. Онъ пріѣхалъ не какъ чужестранный, а какъ будто законный нашъ православный Государь, и остановился гдѣжь, государыня-матушка, ты думаешь? въ нашемъ Царскомъ теремѣ, и во кругъ Святаго Кремля разставилъ крѣпкую стражу, чтобъ не пускать ни кого изъ насъ православныхъ. Каково это сердцу Русскому! Мы должны лишиться нашей Святыни и радости, нашего Кремля, гдѣ почиваютъ святыя тѣлеса угодниковъ Божіихъ! Но вотъ по гласу всѣхъ православныхъ составляется Верховный Совѣтъ Правительственный изъ знатнѣйшихъ князей и бояръ; и въ этотъ совѣтъ былъ призванъ и супругъ твой, бояринъ Романовъ. Они присудили и придумали отрядить посольство въ землю Польскую къ Королю, Сигизмунду по имени, съ жалобами о неслыханныхъ нахальствахъ и злодѣянїяхъ его подданныхъ, прося чтобъ онъ не медля вызвалъ ихъ въ землю

свою, и не думалъ бы о нашемъ Царствѣ православномъ, которому есть законный Государь, близкій по крови и знатный по роду, бояринъ въ лицѣ Феодора Никитьевича Романова.

Патріархъ Гермогенъ вызвался первый быть представителемъ и спасителемъ отечества: онъ отправился къ Королю Польскому съ нѣсколькими боярами; но злоба изверга восторжествовала надъ благочестивою просьбою святаго старца: онъ былъ брошенъ въ темницу и заключенъ въ оковы. Но сего не довольно было Польскому Королю: онъ велѣлъ тайно схватить боярина Романова и, заключа въ оковы, привезъ къ нему; что и было исполнено: онъ былъ привезенъ къ нему и теперь томится въ мрачной темницѣ....

— Боже милосердый!... что я слышу?... вскричала Романова и, залившись слезами, впала въ безпамятство.

— Жестокій! за чѣмъ ты отравилъ дни моей родимой этой горестною вѣстію? О, лучше бы ты не былъ здѣсь! Она бы не знала этаго! рыдая и обнявъ мать свою говорилъ Михайль Романовъ.

— Государь!... да позволено мнѣ будетъ назвать тебя этимъ Священнымъ именемъ.... твоя нѣжная и добрая родимая повелѣла мнѣ повѣдать подробно святую истину, и я далъ слово честное, Русское, исполнить ея желаніе, говорилъ, оробѣвши, купецъ Рисуновъ.

— Ты могъ бы говорить все, но не произносить этаго роковаго удара сердцу моей родимой!...

— Я боялся Бога отступить отъ моего обѣта и не смѣлъ не сказать всего, что зналъ и знаю завѣдомо....

Между тѣмъ Романова, при стараніи сына, опомнилась. Она быстро оглянулась кругомъ, и взоръ ея нашель того,

кого искала; она приказала продолжать этотъ горькой рассказъ.

— Прости меня, государыня-матушка, моей нескромности! Я бы не произнесъ этой роковой вѣсти: она бѣ умерла у меня на сердцѣ; но я далъ тебѣ честное Русское слово повѣдать все, и побоялся не исполнить его. Я скъазалъ тебѣ, моя государыня, о горькой участи твоего мужа....

— О! я лучшебѣ объ этомъ не знала, лучшебѣ питала себя безвѣстностію мрачной будущности, лучшебѣ могла думать то и другое; но теперь я слышу, къ несчастію моему, его такую жестокую участь, и это будетъ для души и сердца моего ежеминутнымъ страданіемъ и мученіемъ....

— Не томись печалью, добрая государыня-матушка! Утѣшь себя тѣмъ, что *Господь Богъ любитъ правду и поборникъ по правдѣ!*

— Да, это Онъ сказалъ, и мы должны крѣпко уповать на эти спасительныя слова *Его!* отвѣчалъ набожно купецъ Рисуновъ.

— Повѣдывай же дальше, сказалъ Михайль Романовъ.

«Послѣ этаго несчастнаго событія наши граждане приуныли; надежда на спасеніе отечества погасла, и отчаяніе оковало сердца наши. Буйство и грабежъ отъ злодѣевъ Ляховъ усиливались ежедневно; голодъ и нищета сроднились съ нашими врагами, и они, какъ львы, пожирали послѣдніе остатки нашего добраго, нашего роднаго....»

Здѣсь москвитянинъ отеръ слезы, слезы горячія, родныя,—Русскія.

— Но, продолжалъ онъ опять, сердце Русское не потерпѣло болѣе злости варварской—взбушевало, и изъ странъ далекихъ, но изъ странъ родныхъ, прилетѣли орлы Русскіе на дичь иноземную. Нашъ добрый Князь-батюшка По-

жарскій и добрый православный гражданинъ Нижегородскій Козма Мининъ, по прозванію Сухорукій, ополчаются, собираютъ воинство несмѣтное и идутъ спасать нашу матушку Москву отъ силы вражеской. Не знаю, что теперь дѣлается тамъ—въ это время я выѣхалъ изъ нея; но думать надобно, что Господь поможетъ нашему воинству.... Сгибнуть враги невѣрные, губившіе Русь Православную! Теперь я скажу важнѣе: прислушай юной Государь, это важная тайна для тебя; я твой подданный и въ осторожность говорить хочу тебѣ: бойся ты этихъ варваровъ, и эта священная обитель можетъ быть тебѣ гробомъ, ты въ опасности...

— Что ты говоришь? оробѣвши проговорилъ бояринъ Михайль Романовъ.

— Да, Государь, я говорю истинную правду, отвѣчалъ Рисуновъ. Враги, узнавъ снова, что ты теперь законный наследникъ къ Царству Русскому, имѣ-

ютъ тайное повелѣніе найди твое жилище и тайно умертвить тебя...

— Умертвить меня!... содрогнувшись, прошепталъ царственный юноша, бояринъ Романовъ.

— Да, тихо отвѣчалъ Рисуновъ.

— Одно къ одному, Боже милосердный! всплеснувъ руками, сказала Романова. О кара Господня на домъ нашъ!

Этимъ кончился разговоръ. Рисуновъ далъ клятву не говорить объ этой тайнѣ ни кому, и вышелъ изъ опочивальни Романовой.

Выдя вмѣстѣ съ старикомъ Сусанинымъ изъ пріемной горницы, въ которой онъ его дожидался, они сѣли въ сани при благовѣстѣ раннихъ обѣденъ въ обители Ипатьевской и не терпѣливые кони помчали ихъ въ село Ипатьево.

— Скоро ли, Анюта? тихо проговорилъ старикъ Сусанинъ своей невѣсткѣ; вѣдь

ужь разевѣло порядкомъ, а ты, моя голубка, еще не совсѣмъ собралась....

— Тотчасъ, батюшка торопливо сказала Анна; только что накинуть шубейку и я готова....

— Пожалуйста поскорѣ поторопись: вѣдь мы опоздаемъ, а ѣхать не близко; ты знаешь, моя родимая....

— Вѣстимо не близко; да вотъ я и готова. Ну ѣдемъ же, батюшка.

Старикъ съ невѣсткой сѣли въ сани запряженныя парой вороныхъ лошадей; онъ хлопнулъ по нимъ бичемъ и они полетѣли въ правую сторону отъ большой дороги.

Долго, долго ѣхали они по снѣговой зыби; но вотъ завидѣлась имъ опушка лѣса, повернули въ лѣво, вѣхали въ лѣсъ угрюмой и дикой. Осенняя аврора едва только начинала расписывать своимъ пурпуромъ небосклонъ, и роскошными розовыми коврами усти-

латъ путь лучезарному первенцу—любимцу природы... Борзые кони ржали и храпѣли; а старикъ углублялся по пробитой дорогѣ въ глушь лѣсной все дальше и дальше; но вотъ повернули вправо, какъ шла дорога, и еще нѣсколько сажень, и они подѣхали къ вѣтхой хижинѣ, почти полуразвалившейся. Слезши тихо съ саней, Сусанинъ привязалъ лошадей къ пню древесному, а самъ, подойдя къ дверямъ, тихо постучался. На стукъ его послышался хриповатый голосъ и тотчасъ отворилась дверь. Рыжая всклокоченная борода съ красной рожей высунулась въ полуотворенную дверь.

— А! Сидоровичъ, тебя ли я вижу? Какими судьбами? Иль есть дѣльце до меня... проговорила рыжая борода.

— Затѣмъ-то и прѣхаль къ тебѣ Алешинька, родимой ты мой, что дѣльце есть до тебя, кланяясь сказалъ Сусанинъ.

— А что, родимой, не сговорилъ ли пташку сизокрылую? съ дьявольской улыбкою прошепталъ Алешка Волкъ; а онъ-то и колдунъ и всеобщій свать.

— Да не то, родимой, не сговорилъ; а наша-то красавица красная дѣвица стала грустненька, да сохнетъ не по-днямъ, а по часамъ, то пожалуй-ста Алешенька, повѣдай намъ матку-правду: что стало съ нашей дѣвицею? не взлиховались ли на нее черные люди? не обурочилась ли она отъ нихъ? иль не недугъ ли какой можжить ее голубку.... то какъ пособить; ты, вѣдашь, этому знахарь; скажи, Алешенька, и моя благодарность тебѣ....

Сусанинъ сунуль при этихъ словахъ ему въ руку рубликъ.

— Спасибо, Сидорычъ; садись-ка. Прошу не прогневаться, подчивать не чѣмъ....

— И полно, Алешинька, не заподчиваньемъ къ тебѣ пріѣхали мы, а за

разумнымъ твоимъ отвѣтомъ, сказалъ старикъ Сусанинъ.

— Погодите же, други, я принесу снадобьнца, по которому повѣдаю вамъ все въ подробности. Сказавъ эти слова, Алешка Волкъ вышелъ изъ избы оставивъ въ надеждѣ и страхѣ старика и его невѣстку. Колдунъ не долго мѣшкаль; внесъ съ собой зеркало, не большую коробочку и ведро воды.

— Теперь къ дѣлу, сказалъ колдунъ. Ну, Сидорычъ, и ты, голубушка сидите, не бойтесь, я васъ очерчу. Колдунъ провелъ углемъ два круга, сказавъ, чтобъ каждый стоялъ въ своемъ кругѣ. Приказаніе его было исполнено.

Поставя посередь избы ведро съ водою, онъ что-то тихо прошепталъ и всыпалъ въ воду какой-то черный порошокъ. Вдругъ раздался необыкновенный выстрѣлъ, и синее пламя, выскочивъ изъ ведра, объяло всю горницу.

Колдунъ упалъ навзничь, и лежалъ на землѣ до тѣхъ поръ, пока пламя не приняло на себя бѣлый цвѣтъ. Въ это время онъ всталъ и тихо подойдя къ ведру, что-то сказалъ шепотомъ, и громовый голосъ изъ ведра проговорилъ: «эта дѣвица не больна, а она любитъ молодаго парня, онъ ее, и отъ суевѣрія и предразсудковъ стариковъ гибнетъ подъ тяжкой печалью, отъ безнадежной любви, которую она старается всячески скрывать.... гу!... гу!... гу!...»

Раздался плачевный стонъ, засвистѣлъ вѣтеръ, загремѣли громы. Колдунъ упалъ ничь. Сусанинъ и его невѣстка въ страхъ попадали также, и уже черезъ нѣсколько минутъ они пришли въ себя; колдунъ же спокойно разхаживался по избѣ. Очерованіе кончилось!

— Ну, Алешенька, а я думалъ, что умру отъ страха. Нѣтъ, видно мнѣ не проспать этаго грѣха. Охъ, тяжкой грѣхъ!

вздыхая проговорилъ старикъ Сусанинъ.

— Э, Сидорычъ, да вѣдь ты хотѣлъ узнать, что дѣлается съ твоей пташечкой, такъ вотъ теперь и узналъ. Видишь ли, что повѣдалось намъ... слышалъ ли? Ну вѣрь, что это правда неминуемая...

— Охъ, тошнехонько! проговорилъ старикъ, почесывая затылокъ. Не ужто это правда, Аннушка? оборотившись къ своей невѣсткѣ прибавилъ онъ.

— Меня что-то раздумье беретъ, батюшка, вздохнувъ сказала Анна. Право, что-то мудрено; да и въ каво же ей впалиться, развѣ не въ Ивана ли?

— Да и я это же держу на умѣ. Право, чуть не такъ ли, Аннушка? Извелась наша голубушка! вздохнувъ сказалъ старикъ.

— Такъ что же, Сидорычъ, развѣ не въ попадѣ доброй-то молодецъ—а? или

не лзя горю этому пособить другимъ манеромъ? Найдемъ средство, если только тебѣ похочется...

— Батюшка, Алешенька, будь другъ, помоги горю ретивому, воскреси голубку нашу, ненаглядную ягодку; отведи, отвори отъ лихаго зелья, кланяясь и сунувъ въ руку колдуна еще рубликъ, говорилъ, умоляя, Сусанинъ.

— Спасибо, спасибо, Сидорычъ! А скажи мнѣ, какой волосомъ молодецъ? пріосанясь возразилъ колдунъ.

— Лицемъ какъ красная дѣвка, бѣлой, румяной; а волосомъ, прости Господи, какъ чортъ—смоль черная, отвѣчалъ Сусанинъ.

— Гмъ, черной волосъ, о, о гаршудъ гра—гра! гаршудъ—гра—гра!... проговорилъ колдунъ и, взявъ зеркало, взглянулъ въ него.

— Вотъ вашей красавицы зазнобушка. Узнаете ли? онъ ли? Колдунъ поднесъ

зеркало прямо къ глазамъ Сусанина и его невѣстки. Они вскрикнули и сказали въ одинъ голосъ: «это Иванъ — точно это онъ.»

— Такъ погодитесь, проворчалъ колдунъ, я тепериче дамъ снадобъеца; а ты, голубушка моя, положи-ка ей, только чтобъ она объ этомъ не знала, вотъ этой сѣрой мучьки въ стопку горячаго збитья и, размѣшавъ хорошенько, дай ей выпить; а этотъ корешечикъ клади ей подъ изголовье каждую ночь въ продолженіи семи сутокъ и бредни ея кончатся.... она все забудетъ, и станетъ по прежнему весела и покойна...

— О, пошли Господи тебѣ долгія лѣта, родимой Алешенька! во вѣкъ не забуду твоей милости! кланяясь говорилъ Сусанинъ.

— Спасибо, Сидорычъ; за добро не стыдно и не совѣстно вспомнить добромъ.... лукаво улыбаясь и поглаживая бороду сказалъ колдунъ. Старикъ съ

невѣсткой еще разъ поблагодарили отъ души колдуна, прося его, буде случится быть ему въ ихъ селѣ, то не оставить въ забытѣи и его семью, а вернуть хоть на денекъ, Выйдя изъ избы *заклятаго*, старикъ отвязалъ лошадей, и сѣвши въ сани отправились въ обратный путь.

Солнце уже высоко несло по синему небу, какъ старикъ съ невѣсткой подъѣхали къ воротамъ своего дома.

— Куда-то васъ Богъ носилъ съ позаранокъ, батюшка? отпирая ворота говорилъ сынъ его Петръ; или по обѣщаньицу ѣздили на богомольѣ?...

— Да кажись такъ, мой родимой; давно лежало на душѣ.... Ну что, все ли по добру по здорову? спросилъ старикъ у сына.

— Все слава Богу; только Марья что то не по себѣ—бѣдняжкѣ; кажись, чуть-ли неогнянка пристать хочетъ.... такъ

и пышетъ отъ нея; лежитъ какъ красная ягодка, толь малинушка....

— Неужто? Ахти горе! проговорила Анна. Вотъ, батюшка, всему ты виновать; Богъ тебѣ судья; гибнетъ и вянетъ дѣвка не разцвѣтя....

Старикъ проворчалъ что-то просебя. Они вошли къ горницу. Марья лежала разметавшись на постель; сильный жаръ пожиралъ ее; она стонала и охала.

Павель и молодой Москвитянинъ, сложивъ руки на грудь, стояли у ея изголовья, каждый изъ нихъ прислуживалъ ей. Въ это время вошла Анна съ старикомъ Сусанинымъ, и при взглядѣ на ненаглядную, ея возлелѣянную, почти вторую дочь, она содрогнулась, и слезы заблестали на глазахъ.

— Милая, родимая моя Машенька! что съ тобою, радостное солнышко мое? Такъ сказала Анна подойдя къ кровати ея и взявъ ее за руку.

Анна открыла глаза, и тяжкій, протяжный вздохъ вырвался изъ стѣсненной пламенной груди ея.

— Родимая моя, мнѣ что-то очень не посебѣ... я умираю... проговорила томно Марья, и крупныя слезы покатились изъ глазъ ея. Теперь-то старикъ Сусанинъ и Анна поняли тайну ея сердца — ея болѣзни... но это скрыли отъ прочихъ. Начались хлопоты о болѣзни Маріи: травы, прохладительныя и цѣлебныя питія, словомъ, всѣ суетились, бѣгали и приготавливали лекарства.

Такъ прошло нѣсколько дней, и каждый наперерывъ старался помочь отъ недуга; каждый заботился о здоровьѣ ихъ ненаглядной красавицы... Одинъ лишь молодой Москвичъ очень часто уклонялся отъ этой заботливости, и по видимому не принималъ участія въ семейственномъ горе. Только не тотъ уже веселый и развязный Москвичъ—нѣтъ и тѣни и признака прежняго: это былъ

человѣкъ, какъ будто пораженный ударомъ гибели. Уныніе и какая-то тайная грусть и печаль грызли его сердце, и какія-то тяжкія думы оковали его и сроднили съ неминуемымъ горемъ. Вотъ каковъ сталъ теперь молодой Москвитянинъ. Да, онъ полюбилъ больше уединеніе, нежели разсѣянiе; болѣе молчалъ, нежели говорилъ; болѣе вздыхалъ, нежели улыбался; словомъ, онъ не походилъ самъ на себя.

Въ одинъ изъ этихъ болѣзненныхъ дней Марьи, купецъ Рисуновъ, при едва начавшемся выказываніи свѣта утренняго, онъ, вставъ съ своего ложа, поспѣшно одѣлся и вышелъ изъ дома Сусанина, его благодѣтеля. Выйдя за калитку, перекрестился, поклонился на всѣ четыре стороны. Пройдя село, онъ поворогилъ въ лѣво, и удвоивъ шаги, пошелъ по прямой пробитой на тающемъ снѣгу тропѣ, все дальше и дальше. Въ тридцати шагахъ отъ него

завидѣлся уютный домикъ, огороженный кругомъ частымъ полисадникомъ. Съ правой стороны небольшихъ воротъ была сдѣлана узкая калитка; сзади малой огородъ, куда смотрѣли три узкихъ окна. Сюда-то шелъ купецъ Рискуновъ

Подойдя къ калиткѣ, онъ постучался въ щеколду; лай собаки раздался на дворѣ; вскорѣ отдвинулась задвижка и калитка отворилась. Сѣдая голова, знакъ глубокой старости, показалась въ ней. Рискуновъ снялъ шапку и поклонился; а почтенный житель этого дома, взявъ за руку Рискунова, какъ давно знакомаго гостя, ввелъ въ калитку, снова задвинувъ ее запоркой.

— Здравствуй, здравствуй, доброй молодець! съ добрымъ утромъ! Такъ говорилъ старецъ вводя Рискунова въ горницу. А я только что кончилъ мою утреннюю молитву, какъ постучался ты....

— Прости меня, почтенный отецъ мой! отвѣчалъ Рискуновъ; я пришелъ размыкать съ тобою опять все одно и тоже горе, и поговорить съ тобою....

— Ну, что твоя голубка, все еще не поправляется? спросилъ съ участіемъ старецъ.

— О, нѣтъ почтенный отецъ мой болѣетъ и только, изнымо мое ретивое! видно уберется мой ангелъ въ страну безсмертную — и умереть не разцвѣтя и погаснетъ не отживя.... О почтенный отецъ мой! если возможно только смертному испытывать судьбы и предначертанія Существа высочайшаго, если возможно постигать эти пути, по коимъ слѣдить родъ человѣческій; то покоясь и утопая въ небесныхъ радостяхъ; то борется и мятется съ этими бичами рода человѣческаго: болѣзнями, скорбями и несчастіями, безъ различія пола и возраста, безъ отмѣтки званій и состо-

яній. Это одно единственное звѣно, изшедшее изъ рукъ Всемощнаго; это кажется, Его любимое созданіе.... И что же послѣ этаго, отецъ мой, мы встрѣчаемъ въ здѣшнемъ юдольномъ мірѣ?

— Ты вѣришь ли въ будущее сынъ мой?

— О, вѣрую несомнѣнно и свято чту эту высокую истину! отвѣчалъ набожно Рискуновъ.

— Если такъ, то знай, что Творецъ Всемогущій, когда и являетъ знаки своего дивнаго дѣйствія въ тваряхъ, которыя бы, по нашему мнѣнію, и нужны были бы обществу, хотябъ и могли составлять красу его; но иногда лишаетъ насъ этихъ утѣхъ — а для чего? Иногда по неисповѣдимымъ судьбамъ Своимъ налагаетъ на насъ испытаніе, подобно Аврааму при жертвоприношеніи его сына; иногда лишаетъ насъ этаго небеснаго наслажденія за наши

недостойства и грѣхи предъ Нимъ ; иногда отзываетъ въ сонмъ своихъ правѣдниковъ, цѣня добродѣтельную и невинную жизнь, которая для Него ярче сіянія солнца и краше звѣздъ.

— Но за что же, отецъ мой, посылаетъ страданія, скорби и болѣзни Господь существамъ невиннымъ — существамъ Ангельскимъ?

— За что? за любовь Его къ намъ: кого любить Онъ, того наказуетъ; бьетъ же всякаго, елико хочетъ. Развѣ ты этаго не знаешь, сынъ мой? По этому, мы должны дорожить драгоценной Его любовью, и съ терпѣніемъ, безъ малѣйшаго ропота переносить всѣ кары, кои Онъ посылаетъ на насъ, а не унывать подъ игомъ тяжкаго ярма. Жизнь безотрад-ная, жизнь безотчетно-печальная тяжка и ужасна. Но какъ ужасно уныніе въ скорбяхъ! я не могу тебѣ представить ни чего страшнѣе, сынъ мой. Это отри-

цавіе будущей жизни, гдѣ всякая тварь получить настоящее свое назначеніе, займетъ свое собственное мѣсто; гдѣ Судія безъвозмездный воздастъ каждому по дѣламъ его. И это отрицаніе Промысла Божія влечетъ за собою смертный хрѣхъ, неразрѣшимый ни въ здѣшней, ни въ будущей жизни.

— Увы, почтенный отецъ мой! это истинна святая; и страшны слова твои, но лишиться любимаго существа, существа подобнаго Ангелу, невиннаго и кроткаго — о, эта потеря тяжка для моего сердца!... И кто замѣнитъ мнѣ ее?... прослезясь и тяжело вздохнувъ говорилъ Рисуновъ.

— Кто замѣнитъ! Безумецъ, что дерзнулъ ты сказать? Богъ и природа, природа и Богъ. Молись Ему, проси Его и крѣпко уповай на Него, и Онъ воздвигнетъ съ одра болящую и за добродѣтельную жизнь твою наградить тебя этой радостію неземною.

Старець, говоря эти слова, былъ будто вдохновененъ свыше. Молодой Москвитянинъ палъ на колѣни предъ Божественнымъ Распятіемъ, стоявшемъ въ переднемъ углу горницы, и рыдалъ какъ младевецъ, какъ дитя о потерѣ своей питательницы — матери. Онъ молился усердно Жизнодавцу; сердце его далеко было земнаго, и на дрожащихъ устахъ горѣла пламенная молитва. О, онъ молился!

Въ продолженіи такихъ религіозныхъ разговоровъ, приблизился полдень. Старець еще разъ далъ наставленіе молодому Москвитянину, пожелавъ ему счастливаго пути, и разстался съ нимъ. Рисуновъ же направилъ путь прямо къ селу Ипатьеву.

— Все погибло!... Будь ты проклять
окаянный—разбойникъ!... кричалъ молю-

дой крестьянинъ, когда вошелъ въ горницу другой крестьянинъ въ синемъ армякѣ.

— Помилуй, другъ, что ты это говоришь? крестьясь говорилъ крестьянинъ въ синемъ армякѣ. Или ты ума ряхнулся что ли?

— Бѣсъ полуденный! такъ-то ты морочишь людей? А, теперь-то я понимаю, что ты за птица! Ты хотѣлъ меня втащить въ петлю; но нѣтъ, не удастся же тебѣ, оборотень; скорѣе себѣ приготовь ее....

Это были Иванъ любезной Маріи и названный другъ его, гудочникъ Фадей. Едва Иванъ прослышалъ о болѣзни своей милой, какъ опрометью бросился бѣжать къ Грунѣ, ея подругѣ, узнать о причинѣ и ходѣ болѣзни; но непредвидѣнные обстоятельства разрушили навсегда его обворожительныя мечты, и любовь, и надежды, и счастье, и

радость; громъ разразился надъ нимъ, и тайна, которая хранилась въ двухъ сердцахъ, и еще третій зналъ гудочникъ, раскрылась предъ нимъ, и участь его однимъ разомъ была рѣшена.

Въ эту-то минуту вспыхнулъ вихрь страстей его и, подобно мощному урагану: потрясъ всею силой его душу, весь составъ молодаго юноши: онъ сдѣлался безумнымъ.

О други! кто видѣлъ изъ васъ свистъ и завываніе бури, или развирепѣвшее море, которое низыми волнами хочетъ поглотить огромную скалу, кто видѣлъ жестокій и мощный ураганъ этотъ, который, на огромное пространство мечетъ и раскидываетъ столѣтнія дубы и сосны, какъ дитя потѣшаясь своими игрушками... кто видѣлъ эту свирѣпость природы? Но бурю, ураганъ сердца, кто можетъ выразить словами или описать на бумагѣ, этотъ всеразрушающій жестокій, клокочущій вул-

кань?... и кто не испыталъ изъ насъ въ теченіи жизни разныхъ душевныхъ волненій и бурь? но бури сердечной, которая раждается отъ сердца и ему же наноситъ смертельный ударъ — это борьба жестокая, ужасная!... и рѣдко, рѣдко можетъ случиться, чтобъ сердце осталось побѣдителемъ этой бури; оно гибнетъ и тяготѣетъ подъ этимъ тяжкимъ ярмомъ. Въ такомъ-то точно положеніи находился и бѣдный Иванъ, молодой крестьянинъ, влюбленный въ Марію, внуку Ивана Сусанина. Цѣлыя сутки плуталъ онъ по окрестнымъ лѣсамъ и горамъ села Ипатьевского, и на другой день, едва очнувшись отъ этаго изступленія, онъ явился въ свой домъ. Его отсутствіе, омертвенная блѣдность лица, всклокоченные волосы, изорванное платье, которое походило болѣе на рубищъ, изумило и привело въ страхъ его домашнихъ. Рѣзкія же и отрывистыя слова, дикій взоръ, и какое-то страшное

отчаяніе, отпечатлѣвшееся на челѣ его еще болѣе привели въ содраганіе все семейство.

Въ это-то время зашелъ мимоходомъ къ Ивану въ домъ гудочникъ Фадей; а слова, произнесенныя Иваномъ съ ужаснымъ голосомъ и пылающимъ взоромъ, изумили и даже привели въ страхъ гудочника. Однако онъ оправился отъ этаго смущенія.

— Послушай, заклинаю Богомъ тебя, послушай меня, Иванъ Петровичъ, говорилъ гудочникъ; я догадываюсь въ чемъ дѣло; твоя Марія больнехонька, а я окаянный по сю пору не далъ знать тебѣ объ этомъ; но ей Богу....

— Провались ты пропадомъ разбойникъ, коварный льстець; ты погубилъ меня и ее.....

— Я.... я?... дрожащимъ голосомъ говорилъ Фадей.

— Ты адскій духъ, ты открылъ нашу тайну старику, и я и она погибли, по....ги....бли....

Иванъ вскочилъ, и схватя Фадея за воротъ, задрожалъ и въ безпамятствѣ повалился на полъ. Смертная блѣдность разлилась по лицу его—грудь сильно то подымалась то глубоко упадала. Помощь домашнихъ не замѣдлила явиться съ средствами; и скоро Иванъ открылъ прекрасные глаза свои; а гудочникъ, проливая слезы о своемъ другѣ, думая, что безвинно можетъ быть сдѣланъ его убійцею, его отравою. Эта мысль жестоко мучила и терзала его сердце и душу.

— Старикъ, жестокий старикъ.... не проклинай Марию.... я люблю ее.... вѣчно, вѣчно.... говорилъ въ истуиленіи Иванъ.

— Дятятко мое милое, что съ тобою прилучилося? плача говорила, подходя къ постель Ивану, его тетка.

— Марія! гдѣ она? Она умерла!... да, умерла для меня; у меня отняли ее, вырвали злые люди—мнѣ не суждено радоваться съ нею.... Старикъ, кто сказалъ тебѣ нашу тайну? скажи мнѣ, и я удавлю руками того.... охъ.... Протяжной стонъ вырвался изъ колеблющейся груди юноши; онъ снова впалъ въ безпамятство.

Но вотъ причина его болѣзни: Иванъ, едва узналъ о болѣзни своей любезной Маріи—не утерпѣло ретивое, чтобъ не освѣдомиться объ ней отъ близкой подруги ея, прекрасной дѣвушки Графини; онъ тотчасъ къ ней, и ретивое запыхало у него, когда онъ узналъ, что Марія его гибнетъ подъ бременемъ любви; и эта сладостная, эта живая и огненная любовь снѣдаетъ ее сердце, эта тайна двухъ любящихся сердецъ сморила ее—и она впала въ жестокую болѣзнь. Молодой чувствительный юноша лилъ слезы о гибели его возлюб-

ленной, онъ сталъ самъ не свой. Въ такомъ то расположеніи духа онъ вышелъ изъ дома Груни, и едва только прошелъ улицу и поворотилъ въ переулокъ, какъ ударъ по плечу, заставилъ его оглянуться. Старикъ Сусанинъ стоялъ сзади его, злобный взглядъ показывалъ въ немъ человѣка не доброжелательнаго. При видѣ Сусанина, эта неожиданная встрѣча, привела его въ себя, Иванъ задрожалъ.

— Здорово, доброй молодець, сказалъ старикъ Сусанинъ, злобно улыбувшись, какъ счастливо мы съ тобой столкнулись; а ты мнѣ нуженъ пріятель. Скажи пожалуй, что ты надѣлалъ съ нашей дѣвкой она умираетъ.... Ты убійца ее!...

При словѣ убійца Иванъ вздрогнулъ, холодной потъ выступилъ на лбу у него.

— Ты обольститель нашей голубки ненаглядной Маріи, продолжалъ Су-

санинъ. Какъ дерзнулъ ты, какъ могъ, говори гнусный червь, я сей часъ растопчу тебя подъ ногами.... вишь себя говорилъ Сусанинъ.

— Иванъ Сидоровичъ! не я убійца, а ты... Кто сказалъ тебѣ нашу тайну? спросилъ Иванъ.

— Чертъ, чертъ я тебѣ говорю, и ты долженъ отстуниться отъ Маріи, забыть ее, и тебѣ какъ своихъ ушей не видать ее; она умерла для тебя, иначе отцевское проклятiе разразится надъ ней!...

— Остановись старикъ жестокий! не произноси этаго страшнаго слова... дрожащимъ голосомъ проговорилъ Иванъ. Да, я люблю ее, и готовъ для счастья и спасенія этаго Ангела невиннаго пожертвовать моею жизнью!

— Готовъ, сказалъ Сусанинъ?

— Готовъ! отвѣчалъ Иванъ.

— Кто порука?

— Кто надъ нами и выше насъ —
Иванъ указалъ на небо.

— Дай руку?

— Вотъ она!

— Довольно, благодарю тебя доброй
Иванъ, прощай!

Тѣмъ кончился разговоръ ихъ, и Иванъ стоялъ долго, долго на этомъ мѣстѣ какъ окаменѣлый истуканъ; вдругъ какъ будто жизненный лучъ проникъ въ него, онъ очнулся, и какъ стрѣла пущенная изъ лука, такъ скоро пустился онъ бѣжать, куда? не зналъ самъ. Въ такомъ то положеніи онъ блуждалъ цѣлые сутки, какъ мы видѣли выше и вотъ эта-то настоящая причина его сердечному, ужасному урагану!

Природа пробудилась отъ летаргическаго сна; облеклась въ роскошныя разноцвѣтныя ткани; устлала зелеными

коврами луга и поля, одѣла въ новыя одѣжды деревья. Вездѣ дышало жизнію и радостію; все восхищалось прелестями щедрой авроры.

День былъ праздничной, по голубому небу катилось роскошное солнце и изрѣдка тихой вѣтерокъ перешептывалъ съ древесными листочками — словомъ день былъ Майской.

По дорогѣ къ монастырю Ипатьевскому шли кучи народа; обѣдня отошла, и все спѣшили къ перекускѣ теплаго загибня * въ этомъ числѣ былъ и старикъ Сусанинъ съ своею челядью. Здѣсь же была и Марія, блѣдная—остатки болѣзни еще не совсѣмъ изгладилась, и губельные слѣды ихъ еще были видны. Тихая поступь, томный взоръ, блѣдность лица — словомъ все доказывало, что она еще недавно оставила свое болѣзненное ложе. Она уподоблялась нѣжной розѣ, ед-

* Смотр. выше стран. 8.

ва развернувшейся, едва выказавшей свои прелести, и буря склонила ее съ нѣжнаго стебелька, на которомъ едва было она выказала свою прелестную ароматную головку—такова точно была Марія.

Первое и священное чувство сердца Маріи было, вознестъ пламенную мольбу къ Владычицѣ небесной о востаніи отъ одра болѣзневнаго, первая мысль словословіе и благодареніе. О! какъ она молилась....

— Что Машинька, ненаглядная моя ягодка, лучше ли тебѣ моя родимая? говорила невѣстка ея Анна, любившая ее какъ дочь свою. Царица небесная да подкрѣпитъ тебя силою небесною, да отыдетъ прочь злой недугъ!

— Давно, моя родимая, такъ проговорила Марья, горѣло мое сердце по просить Матерь Божию о ниспосланіи мнѣ здоровья, и теперь мнѣ легче на сердцѣ....

— Да Марья, тихо сказалъ купецъ Рисуновъ, я долго—вѣчно не забуду тотъ день, когда Господь возвалъ тебя на здравіе.... О, буди имя Господне благословенно отъ нынѣ и до вѣка.

— Благодарю тебя, Василій Савичъ, такъ звали Рисунова, за участіе принимаемое во мнѣ, пошли тебѣ Богъ здоровье! отвѣчала Марія покраснѣвши.

— Нѣтъ Марья, тутъ, не за что благодарить, мы всѣ по челоуѣчеству немощны, и въ немощахъ нашихъ должны, обязаны помогать другъ другу по слову нашего Спасителя: носить другъ другу тяготы, чтобъ уподобляться Ему въ служеніи, отвѣчалъ набожно Рисуновъ.

Въ такихъ разговорахъ принимали участіе всѣ, и одинъ предметъ имъ была одна Марія. Они приблизились къ дому, и войдя въ горницу всѣ набожно перекрестились, и каждой занялъ свое мѣсто; а Марія, по слабости здоровья

удалилась со второй своей матерью невѣсткою Анной въ свѣтлицу.

— Родимая, сядь-ка возлѣ меня, и послушай, что я тебѣ повѣдаю, сказала Марія, садясь на пуховикъ. Анна сѣла возлѣ нея, и Марія, немного помолчавъ, какъ будто лоя въ умѣ прошедшее, начала:

— Воспитанная и взлелѣянная тобою съ колыбели, моя родимая — да, я лишилась моей родимой матери, будучи еще въ пеленкахъ; это и ты знаешь. Я вела жизнь беззаботную, безпечную. И о чемъ же мнѣ было заботиться? Ты, какъ родимая была всегда со мною, и я не желала ничего болѣе; я была выше, нежели счастлива.

Подъ твоимъ надзоромъ возросла и начала расцвѣтать... первыя мои мысли, первые вздохи посвящены были красамъ воскресающей природы: когда весенняя иташка, едва защебечеть, едва весенній жаворонокъ

порхнеть съ проталинки, и клубясь, и кружась въ воздухъ за поеть трель свою, и мое сердце, и мой взоръ слѣдить его.... Едва распухнетъ, едва разовьется цвѣтокъ, а я бѣгу опрометью вдыхать въ себя его ароматическій запахъ. Когда зарумянится весенняя заря и я въ нашемъ саду сижу на дерновой скамьѣ и въ благоговѣйномъ безмолвіи жду восхода солнечнаго. Съ приближеніемъ его мое ретивое бьется шипче и сильнѣе.... Да родимая, я никогда, никогда не забуду этой беззаботной моей юности.... Я любила природу, ея красы, пріятный аромать цвѣтовъ, блѣяніе барашекъ, заунывное пѣніе нашихъ поселянъ при обработываніи полей, а еще болѣе хороводныя пѣсни моихъ подругъ, когда онѣ при закатѣ солнца возвращались на покой послѣ дневныхъ трудовъ. Словомъ, моя родимая, я блаженствовала; въ это время я не знала ни горя, ни печали ничего — только мои забавы

были: цвѣты, пѣсни и хороводы; но вотъ настала година, година — лишившая меня на всегда спокойствія: вомиѣ заронилось какое-то непонятное непостижимое для меня чувство....

Однажды, этому было назадъ двѣ весны, когда я возвращалась съ милой моей Груней съ хороводовъ домой, какъ подошелъ къ намъ молодецъ, онъ низко поклонился Грунѣ, и сталъ съ ней разговаривать о прекрасной погодѣ, о хороводныхъ пѣсняхъ; и родимая, какъ мило, какъ сладко онъ говорилъ я заслушалась рѣчей его; между разговорами онъ пристально взглядывалъ на меня, и этотъ взглядъ его палилъ все меня, я была сама не своя.... придя къ Грунѣ, я спросила ее проэтого молодца, и она сказала, что онъ сынъ одного изъ зажиточныхъ крестьянъ нашего села, зовутъ его Иваномъ. Съ этихъ поръ я часто видала его у Груни; и ко-

гда я была у ней, то непременно и онъ уже тутъ былъ....

Эти частыя встрѣчи, эти разговоры, какъ то сблизили меня съ нимъ; но я страшилась питать эти чувства въ своемъ сердцѣ. Но тщетно я старалась изгнать ихъ, они еще сильнѣе укоренились во мнѣ. Напрасно я убѣгала его, напрасно уклонялась отъ встрѣчи съ нимъ—нѣтъ, меня влекла къ нему какая-то таинственная сила; мнѣ какъ будто кто то нашептывалъ, чтобъ я этаго не дѣлала, но чтобъ повиновалась влеченію моего сердца; и я стала послушна ему, какъ кроткая овечка....

Однажды, это было въ праздникъ Петрова дня, когда ты родимая съ дядюшкою и дѣдомъ поѣхали въ гости въ сосѣднее село, а я за нездоровьемъ осталась дома. Ко мнѣ пришла Груня и неотступно стала звать на полъ рвать цвѣты.... я рѣшилась идти съ ней. Пришли на полъ, и Иванъ сидѣлъ на

луговинѣ. Я оробѣла, и стала упрекать мою подругу въ вѣроломствѣ, мнѣ стало очень стыдно; сердце у меня билось сильнѣе прежняго—я чувствовала какую-то дрожь во всемъ тѣлѣ.... Иванъ, завидя насъ тотчасъ всталъ, и подойдя къ намъ низко поклонился.

О, моя родимая, я и теперь не забуду что съ нимъ было:

Онъ, то блѣднѣлъ, то краснѣлъ, а въ глазахъ сверкало какое то страшное пламя. . . . я боялась даже взглянуть на него.

Пройдя нѣсколько шаговъ съ Груней по луговинѣ мы съѣли на зеленый пригорокъ, и эготъ пригорокъ былъ началомъ моей бѣдственной жизни. Да, съ этихъ поръ, жизнь беззаботная отлетѣла отъ меня, какъ сладкая мѣчта, и грусть и печаль оковали мое сердце. Съ тѣхъ поръ я предалась унынію; какая-то мрачная безпредѣльная будущность представлялась ежеминутно гла-

замъ монмъ и я плакала неутѣшно сама съ собою.

Иванъ на этомъ мѣстѣ открылъ мнѣ свою душу и сердце, и вырвалъ изъ устъ моихъ пламенное признаніе любить его.... онъ сжалъ меня въ своихъ объятіяхъ, огненный, завѣтный поцѣлуй заключилъ на вѣки неразрывный союзъ двухъ сердець. Да, онъ любить меня выше всего земнаго.... равно и мое сердце пылаетъ такою же любовію къ нему. Я не ищу болѣе ни какого блаженства, ни какихъ радостей, кромѣ моего Ивана, и когда онъ бывалъ со мною я благословляла эти сладостныя минуты и не замѣчала какъ быстро текло время въ нашихъ взаимно-милыхъ разговорахъ и восторгахъ! Такъ блаженствовали мы нѣсколько мѣсяцевъ, и Иванъ рѣшился говорить о довершеніи нашего счастья съ батюшкой. Онъ былъ согласенъ на наше счастье; но безъ согласія дѣда сдѣлать этаго

не могъ; и жестокой дѣдъ... увы родимая!... Онъ сгубилъ меня и свалилъ въ постель... онъ на отрѣзъ отказалъ въ просьбѣ Ивану, сказавъ съ презрѣніемъ: что лучше дать согласіе на священный союзъ послѣднему крестьянину, нежели ему... и съ безстыдствомъ выгналъ вонъ Ивана.

И такъ обольстительная надежда, питаемая нами исчезла, и я узрѣла бѣздну подъ ногами; проклинала тотъ день когда я увидѣла Ивана и отдала ему сердце... Однако, кто можетъ положить законы любви невинной—любви пламенной? Мы и въ этой безнадежности питали священный огонь любви въ сердцахъ: и это святое распятіе, которое таится близъ моего сердца, на пламенной груди моей, и тотъ золотъ перстень, которой я отдала Ивану суть наши вѣчные залоговъ гробовой любви—она прервется, угаснетъ за гробомъ нашимъ, и тогда истлѣютъ наши завѣты... Да,

родимая я предчувствую, что эта любовь сведетъ меня въ мрачное ложь, и тамъ я успокоюсь.... а теперь тяжкія думы облегли мое сердце, и я не вынесу ихъ бремени, погребусь подъ ними....

Марія замолчала, и крупныя слезы полились изъ свѣтлыхъ очей ея; она рыдала неутѣшно, прижавшись къ груди второй своей матери, какъ будто, ища въ ней защиту отъ жестокой судьбы своей!

Сердце Анны, нѣжно любившей свою питомицу не вынесло горя ея милой, и Анна съѣдинила свои слезы съ слезами Маріи—они обѣ плакали.

— Такъ какъ же Василій Савичъ, и ты думаешь уже насъ оставить, говорилъ старикъ Сусанинъ, прохаживаясь съ купцемъ Рискуновымъ по куртинамъ зеленаго сада. Жалко мнѣ, право, я полюбилъ тебя, парень, какъ сына род-

наго за твои умныя рѣчи, за твою примѣрную скромность—право, ты образецъ всѣмъ молодцамъ.

— Благодарю тебя, почтенный мой благодѣтель, за такую честь и любовь, отвѣчалъ съ поклономъ молодой москвитянинъ; и мое безпредѣльное уваженіе и память до гроба къ моему благодѣтелю. О, если бы, Иванъ Сидоровичъ, ты могъ прочесть въ сердце чувство, питаемое къ тебѣ и всему твоему семейству... Я отдалъ бы все, что имѣю у себя за эту возможность!

— Не говори мнѣ этаго молодецъ; ты видишь на мнѣ сѣдину волосъ—и эта сѣдина есть долготѣтная моя опытность. Я никогда не ошибался въ людяхъ, и умѣю читать у каждаго, что на сердцѣ; умѣю разсматривать достоинства, или низкіе поступки. Да, я никогда не дѣлалъ промаху по этому и тебя знаю также вѣрно, какъ ты самъ себя.

Рискуновъ опустилъ глаза внизъ, и живой румянецъ заигралъ на щекахъ его.

Такова всегда скромность молодости! она безотчетна, стыдлива, когда порокъ не дерзнулъ заклеить ея своей черной печатью.... и зараженный воздухъ не коснулся розоваго чела и не обезобразилъ ея невинной красоты. О, эти порожденія эхидны смертоносны и зловредны для невинности. Она драгоценна какъ перлъ Азійскаго Падишаха, и какъ трудно при всемъ томъ сохранить и возлѣмьять ея отъ этихъ эхиднъ, которыя непрестанно вооружаются на ея погибель!

На такой-то степени юности былъ и молодой москвитянинъ купецъ Рискуновъ. Воспитанный съ колыбели подъ кровомъ родительскимъ, онъ былъ всегда подъ руководствомъ честнаго своего отца одареннаго добрыми качествами. Отъ него онъ приобрѣлъ, тѣ нрав-

ственные достоинства, конми отличается молодость въ цвѣтъ дней своихъ. Достигнувъ осьмнадцато возраста, онъ лишился добраго своего наставника—отца, котораго потеря для него была тѣмъ чувствительнѣе, что онъ еще не достигнувъ совершеннаго возраста долженъ былъ принять на себя все торговыя дѣла его, которыя были довольно обширны и въ хорошемъ состояніи; къ этому его обязывала и самая необходимость: онъ долженъ заботиться о благосостояніи осиротѣвшаго семейства — главой и попечителемъ долженъ быть онъ. Престарѣлая мать, два малолѣтнихъ брата, и почти уже невѣста сестра, вотъ въ чемъ была ему единственная забота. Нѣсколько лѣтъ онъ управлялъ всеми дѣлами и оборотами отца съ расчетливостію, остроуміемъ и особенною честностію въ торговлѣ.

Этою рачительностію и стараніемъ онъ преувеличилъ доходы. Черезъ два

года по смерти отца онъ выдалъ сестру въ замужество за одного изъ своихъ пріятелей, отдалъ хорошую наследственную часть ей въ приданое. Двухъ братьевъ сдѣлалъ своими помощниками. Такъ дѣла шли всѣ счастливо до его двадцати пяти лѣтняго возраста. По достиженіи этихъ лѣтъ, Рискунову предстала необходимость по торговлѣ ѣхать самому въ Астрахань.

Тщетно мать, братья и всѣ родные упрашивали его остаться, а послать вмѣсто себя повѣреннаго, представляя ему теперешнее смутное время, гдѣ каждый гражданинъ не безопасенъ отъ непріятностей; тщетно умоляли по крайней мѣрѣ помедлить это время и успокоить ихъ, кои дорожатъ его жизнью. Рискуновъ былъ всегда твердъ въ своей мысли и отваженъ иногда до безразсудности, и Богиня счастья всегда хранила его отъ непріятныхъ случаевъ.

Онъ теперь рѣшился не отлагать свой отъездъ, зная, что и по отъездѣ его дѣла будутъ идти также какъ и при немъ. Два брата его, одинаковыхъ же съ нимъ качествъ, хотя и болѣе разсѣянны; но у него былъ опытный и знающій управитель, которой пользовался всегдашнею довѣренностию и отца его, по этому онъ былъ покоенъ. Взявъ нужныя съ собою деньги и вещи, онъ выѣхалъ изъ Москвы въ самое смутное время. Поляки заполонили первопрестольный городъ; грабежъ, безначаліе, царствовали какъ въ окрестностяхъ Столицы, такъ и въ ней самой.

Польскій Царь Сигизмундъ, прибывшій съ сыномъ своимъ Владиславомъ въ Русскую Резиденцію, думалъ что онъ находится въ своей *Warsavie*, а потому онъ обращался съ Русскими какъ съ презрѣнными рабами. О, какъ тяжка какъ больна эта истина сердцу

Русскому! Пришлецы—обманщики, чуждое имъ, не ими приобрѣтенное называютъ своимъ, отнимаютъ силою, угрожаютъ смертію. И Русскіе, вѣрные сыны престола и отечеству, равнодушно рѣшаются идти на смерть и гибель—и умираютъ истинно Русскими!... За чѣмъ же вы Греки, гордитесь *Спартанцами*? * У насъ свои Леониды, у насъ свои Спартанцы—Русскіе. За васъ говорятъ *Термопилы* ** и указываютъ на могилы обезсмертившіе героев.—У насъ говорятъ Москва, вся святая земля Русская

* Спарта была одной изъ цвѣтущихъ областей древней Греціи, какъ по богатству, такъ и образованности гражданъ.

Замѣч. Автора.

** *Термопилы* (или иначе *Фермопилы*), называлось мѣсто, гдѣ былъ проходъ изъ Спарты заключающійся между двумя горами въ узкой долинь. Здѣсь во время сраженія Грековъ съ Персидскимъ царемъ Киромъ, мужественно сражаясь триста человекъ Спартанцевъ съ необъятными полчищами Персовъ

и указуютъ на эти безмолвные, безмерт-
ные остатки....

Москва видѣла въ древнихъ стѣнахъ своихъ, какъ варвары губили вѣрныхъ сыновъ ея; она видѣла струящуюся кровь изъ ранъ ихъ; она слышала стоны умирающихъ и послѣдній вздохъ сыновъ своихъ возносила Жизнодавцу, какъ достойнѣйшую ему жертву. Она видѣла это кровавое пиршество, и не уныла и не поколебалась духомъ; но твердо увѣрена была въ защитѣ отъ насилія и наказанія за хищничество и невинное пролитіе крови вѣрныхъ сыновъ ея, отъ безвозмезднаго мздовоздаятеля и судіи!

Сигизмундъ, Король Польскій расточалъ ласки, золото, обольщенія, обманы, угрозы, смерть и огонь къ прекращенію

за свободу отечества подъ предводительствомъ своего Царя Леонида пали здѣсь съ честью и славою. И Термопилы и поныиѣ служатъ живымъ монументомъ ихъ величія!

Замѣч. Автора.

вражды и водворенію мира; а миръ этотъ пагубный миръ состоялъ въ провозглашеніи сына его Королевича Владислава законнымъ Государемъ и повелителемъ земли Русскія! Увидимъ далѣе, исполнятся ли всѣ предначертанія и планы Короля Польскаго; а теперь, проводимъ нашего молодого Москвича Рискунова изъ бѣдствующей столицы.

Слезы и рыданія матери и братьевъ, далеко проводили его. Пріятная погода, хорошая дорога, лошади, веселый извозчикъ вотъ необходимыя условія для всякаго путешественника; не будь ихъ, и смертельная грусть и скука измучать васъ, вы проклянете себя, всю жизнь—словомъ, будете заклинать всякаго, никуда и никогда не ѣздить; но Рискунову все благопріятствовало: торговый трактъ его лежалъ на г. Орель, Брянскъ, гдѣ у него были дѣла, окончивъ кои, онъ ѣхалъ чрезъ дремучія Брянскіе лѣса, и здѣсь то несчастіе постигло

его, какъ мы уже видѣли. Шайка Польскихъ мародѣровъ напала на него — отняли у него лошадей, деньги собранные имъ въ разныхъ мѣстахъ на довольно значительную сумму; да и самая жизнь его была въ большой опасности отъ нанесенныхъ ранъ. Это было въ срединѣ осени и въ самое ненастное, самое скучное время года: Рискуновъ преодолевая нужду, голодъ, холодъ, добрался почти до Костромы, въ этомъ городѣ жила его родная тетка почтенная, богатая и добрая купчиха; къ ней-то онъ шелъ искать помощи; но providѣніе пекущееся о несчастныхъ, дало ему помощь эту и прежде назначеннаго имъ мѣста село Ипатьево, и благодѣтеля ему добраго крестьянина этаго села Ивана Сусанина; у него-то онъ нашелъ родной пріютъ и пособіе! Здѣсь-то въ нѣсколько мѣсяцевъ его болѣзни онъ свыкъся съ его семействомъ и сталъ будто роднымъ. Рискуновъ писалъ въ

Москву, къ матери о своемъ несчастіи и о благодѣтеляхъ своихъ, въ которыхъ онъ нашель неожиданное счастье, ихъ любовь, участіе въ его болѣзни, словомъ, о безпримѣрномъ ихъ челоуѣколюбіи, и обѣщался скоро возвратиться на родину, къ которой горить его душа и тоскуеть сердце; но между прочимъ намѣкаль въ письмахъ о какой-то необыкновенной привязанности къ семейству Сусанина, съ которымъ бы онъ не желалъ никогда растаться; а буде это и случиться, то для него эта разлука будетъ несносна, тягостна.

Родные Рискунова эту привязанность приписывали его нѣжному чувству благодарности и любви за оказанныя благодѣянія; а болѣе же ничего не думали. Но мы посмотримъ одно ли это чувство благодарности за благодѣяніе привязывали его къ нимъ.

Обратимся къ разговору старика Су-

санина съ молодымъ Рискуновымъ, которой было мы потеряли изъ виду.

— Впрочемъ, хотя мнѣ и жалко тебя, молодецъ, отпустить, продолжалъ Сусанинъ, но нечего дѣлать, не свое не называй своимъ, грѣхъ будетъ. По крайнѣй мѣрѣ, Василій Савичъ, погости у насъ до именинъ, если только можно тебѣ, Михаила Ѳедоровича нашего боярина. Петровъ день у насъ не за горами, а тамъ чрезъ десятокъ дней и его Ангель; въ этотъ день у насъ всегда бываетъ большой праздникъ, а ликованью и веселью въ благочестивой общинѣ Ипатьевской и сказать не могу. Здѣсь ты увидишь нашего дорогаго именинника не какъ малаго птенца, а какъ возмужалаго семьянина и хлѣбосола хозяина, здѣсь сойдутся какъ дѣти къ одному отцу изъ окрестныхъ селъ и деревень.... Да что ты такъ грустенъ, взглянувши вдругъ на Рискунова, сказалъ Сусанинъ.

— Какъ мнѣ не грустить, почтенный Иванъ Сидоровичъ, вздохнувъ проговорилъ Рисуновъ. Дальняя разлука съ родиною, предстоящая разлука съ вами, мои благодѣтели, и эта разлука тяжка мнѣ, я предчувствую это.... Здѣсь я оставляю и душу и сердце; такъ, сердце, которое было полно беззаботности, и безопасности, а теперь оно лишилось покоя и налегла на него грусть тяжкая.... Я не могу и не въ силахъ преодолѣть себя, я дѣлаюсь какъ будто чуждымъ самому себѣ; и все это произошло въ здѣшней странѣ, вотъ подъ этимъ голубымъ небомъ, и вотъ эти липы, эти березы и густыя ивы были свидѣтельницами моихъ сердечныхъ вздоховъ, и слезъ и рыданій — да, рыданій невинныхъ.... Словомъ, почтенный мой Иванъ Сидоровичъ, я потерялъ здѣсь свое сердце, и я полюбилъ.... Но что я говорю? я боготворю невинное, это небесное существо, люблю

ее душевно и горю сердцемъ и всѣмъ органомъ моего тѣла. О, чѣмъ мнѣ выразить эту пламенную любовь мою.... Такъ говорилъ Рискуновъ въ пылу своей страсти.

— Вотъ какъ же я угадалъ, сказалъ старикъ. Я уже давно замѣчалъ за тобою, молодецъ, что ты сталъ какъ-то не по себѣ и грустенъ и задумчивъ. Сперва я думалъ, что это произошло отъ продолжительной болѣзни твоей; но эта болѣзнь бываетъ всегда постоянною; а ты не всегда былъ таковъ, и частехонько бывалъ веселъ и разсыянъ словно какъ доброй молодецъ. Ну, Василій Савичъ, если такъ, то скажи мнѣ, я люблю тебя какъ роднаго, по придумаю и по присовѣтую тебѣ, счастливъ ли твой выборъ. Семьдесятъ лѣтъ живу здѣсь, и всѣхъ на перечетъ знаю и молодокъ и красныхъ дѣвушекъ; ты укажи мнѣ только на твою голубку

сизокрылую, а я скажу и повѣдаю тебѣ про нее какъ все по писанному....

Рискуновъ замолчалъ. Глаза у него сверкали какимъ-то огнемъ; румянецъ стыдливости ярко заигралъ на щекахъ его; на устахъ дрожало какое-то таинственное признаніе. Старикъ Сусанинъ пристально глядѣлъ на него и молчалъ. Нѣсколько минутъ они не говорили ни слова; наконецъ Рискуновъ схватилъ быстро руку старика, прижалъ ее къ сердцу, вздохнулъ тяжело, тяжело, и подалъ знакъ другою рукою идти въ бесѣдку. Скоро они пришли туда и сѣли на дерновой лавкѣ. Рискуновъ молчалъ.

— Что съ тобой, молодецъ, ты не въ себѣ, говорилъ старикъ Сусанинъ съ участіемъ.

— Точно, я не въ себѣ почтенный благодѣтель мой, вздохнувъ, наконецъ проговорилъ Рискуновъ; но буду говорить съ тобою, Иванъ Сидоровичъ, язы-

комъ сердца; могу ли я открыться тебѣ не оскорбляя лѣта твои?

— Можешь ли открыть сердце, молодецъ, ты обижаешь меня этими словами. Я просилъ тебя, и принимаю участіе въ судьбѣ твоей; говори смѣло, сказала Сусанинъ.

— Не стану снова повторять мою благодарность за благодѣнія, коими я пользуюсь нѣсколько мѣсяцевъ по несчастному со мной случаю, такъ началъ Рискуновъ; это было бы лишнимъ съ моей стороны; но почтенный дѣдушка! да позволено мнѣ будетъ почитать тебя этимъ названіемъ; привычка свыкаетъ людей, приковываетъ ихъ къ себѣ, заставляетъ даже думать и мыслить одинаково, дѣйствовать сообразно ихъ дѣйствованиямъ, просто сказать, быть не примѣтно послушнымъ, такъ сказать подчиняясь ихъ волѣ. Но эта привычка, эта сила, происходитъ отъ непрестаннаго обращенія съ людьми. Другое дѣло

любовь, она рождается не отъ привычки, не отъ воли, а отъ душевныхъ ощущеній, отъ другой важнѣйшей пружины, именно: участіе въ сердечныхъ чувствованіяхъ, и въ скорби, и въ радости, и въ грусти и печали; здѣсь-то и рождается любовь ... Этотъ небесный огонь, это неземное чувство, которое живетъ и услаждаетъ душу радостями неземными. О! это чувство далеко земнаго, какъ далеко небо отъ насъ.... Вотъ эту-то священную, чистую и непорочную любовь я питаю въ душѣ моей... и когда только приведу на мысль то благодѣяніе, которымъ я воспользовался, и за это могуль заплатить такой непростительной дерзостію? Дрожь пробѣжить по всемъ жиламъ, по всему тѣлу, я впадаю въ уныніе, и только что скорбные стоны, излетаемые по временамъ изъ стѣсненнаго сердца, и слезы обильно орошаютъ мои ланиты и грудь, и мнѣ какъ будто....

— Погоди, молодець, прерваль Рискунова Сусанинь, отъ кого же ты видѣль благодѣянiя, ты миѣ кажется никогда не окомъ ни говорилъ? Развѣ ты начинаешь скрытничать...

— О, нѣтъ, Иванъ Сидоровичъ, мое сердце было всегда открыто какъ предъ Богомъ такъ и предъ тобою, но я просилъ тебя, чтобъ миѣ говорить языкомъ сердца. Благодѣтель ты миѣ одинъ; ты съ родимыми своими далъ миѣ вторую жизнь, возвалъ меня отъ гроба къ жизни, и я питаю въ душѣ моей чувство пламенной любви къ твоей ненаглядной голубкѣ Маріи!... О, прости меня, прости что произнесъ я...

Рискуновъ закрылъ пылающее лице свое руками, въ груди его бушевала буря весь ураганъ пылающей страсти....

О, какъ стыдливо и какъ страшно первое признаніе молодости въ этой

пылкой огненной любви! то же, что первое щебетаніе, едва оперившейся, едва вспорхнувшей съ пуховаго гнѣздышка весенней пташки!

Была полночь. Черныя тучи обложили небосклонъ; зміеносныя молніи извиваясь по воздушному пространству озаряли страшнымъ блѣскомъ сосѣднія окрестности Ипатьево-Троицкой обители; громъ грохоталъ въ высотъ черныхъ тучъ, и повременамъ ужаснымъ трескомъ, подобно взрыву подземному колебалъ землю и приводилъ въ трепеть жителей.

Въ такую-то страшную пору, во время этихъ бунтующихъ стихій, когда природа не дерзаетъ пошевелить листочкомъ, когда и птичка прячется въ свое теплое гнѣздышко, когда все безмолвствуетъ; но, не безмолвствуютъ однѣ страсти челоуѣка, онѣ не страшатся ни

бурь, ни всѣхъ ужасовъ природы, они ратоборствуютъ съ ними. Такъ великъ человѣкъ!...

Въ это время, Иванъ, круглой сирота села Ипатьевского, едва тащась по дорогѣ, брѣлъ къ монастырю. Дождь ливня лилъ и своей щедростію наполнялъ рытвины по песчаной дорогѣ. Иванъ не смотря на сильный дождь, шелъ все далѣе и далѣе. Вдругъ небо разтворилось и огненной полосой раздѣлилось надвое; извивистая молнія ударила въ молодую зеленую березу разщепавъ ее въ мѣлкія части, и она съ трескомъ упала почти у ногъ Ивана, который оглушенный громомъ упалъ навзничь.

Спустя не много онъ опомнился, перекрестился, всталъ, и въ недалекомъ разстояніи нашелъ пенъ, поросшій мхомъ. Иванъ сълъ на него. Какое-то страшное предчувствіе колебало его душу; онъ считалъ за предзнаменованіе буду-

щей судьбѣ своей гибель молодой березы.... Можетъ быть, онъ думалъ, такая же участь ожидаетъ и его; можетъ быть такая же жестокая буря, такой же свирѣпый ураганъ его пламенной любви къ прелестной Маріи, сразитъ также подобно этому молодому дереву... онъ предугадывалъ, что Марья этотъ идеалъ души его, достанется въ блаженство не ему, а другому; можетъ быть она послѣ тяжкой своей болѣзни забыла его.... и много мрачныхъ и тяжелыхъ думъ облегли его мысли и сердце.... Онъ оледѣнѣлъ бы въ этой суровой, безпредѣльной мысли, еслибъ хриповатый голосъ сзади не вывелъ его изъ этаго положенія.

— Кто ты не есть, но я вижу тебя живымъ, и готовъ отъ всего сердца предложить мою услугу, проговорилъ голосъ.

Иванъ пришелъ въ себя, онъ оглянулся. Въ это время блеснула молнія и

освѣтила безобразное лице низкаго роста старика, который также могъ мгновенно рассмотреть лице Ивана.

— Что-то знакомое мнѣ, сказалъ тихо Иванъ. Если не ошибусь, то кажись ты это Алѣшинька.

Точно, это былъ заклятой колдунъ, *Алѣшка* по прозванію *волкъ*. Иванъ зналъ его еще съ малолѣтства, и даже, шелькъ ему повѣдать о его Маріи.

— Что то знакомое; неужли это ты, молодець Иванъ?

— Ты не ошибся; точно это я, даже и черезъ силу брель къ тебѣ дѣдушка, и вотъ какая счастливая встрѣча. Какъ я радъ теперь тебѣ.

— Ну, ну, полно Ванюша, пойдемъ, вишь какая тѣмь; и дождь-то ливня идетъ.... я то и чаялъ, что тебѣ убило, когда грянулъ страшный ударъ, свалило бѣдняжку березку. Вѣдь я все видѣлъ, сидя вонъ за этой кур-

тиной; да ужъ тогда вышель, когда ты привсталъ и сѣлъ вотъ на этомъ пнѣ. Экая темь! какъ бы намъ не сбиться съ дороги.... пойдёмъ въ право вотъ межъ этими куртинами.

Иванъ и Алёшка волкъ, шли все дальше въ глушь лѣса; вотъ въ право показался большой дубъ склонившійся дугой, какъ клонится старость отъ древнихъ лѣтъ. Зашли за дубъ, повернули еще въ право—и пройдя нѣсколько шаговъ, подошли къ низкой лачушкѣ крытой соломой; сзади ея примыкалъ дворикъ, обнесенной окольнымъ. Они вошли въ избу, Иванъ отъ усталости, и промокнувъ отъ дождя, какъ говорится до нитки сѣлъ на лавку; а Алёшка сталъ вырубать огонь изъ трутницы.

Лучина была наготовѣ въ сошинѣ, и огонь освѣтилъ жилище колдуна.

— Вотъ теперь дѣло хорошее, мы разогрѣемъ печку и по осушимся, ска-

заль колдунъ, и началъ бросать хворостъ и сухія палки въ печку, положилъ лучину, зажегъ—и хворостъ разомъ запылалъ.

— Ну ка, сядька со мною, Иванъ Петровичъ, погрѣйся, сказалъ Алёшка, ставя скамью противъ печи. Иль не мочень сталъ молодець, отъ невзгодья? Перестань дружечикъ дѣвичиться... Иль ретивая боль, а?

— Не до шутокъ, Алёшинька, право мнѣ немло. Если хочешь помочь горю, то помоги, вставая говорилъ Иванъ усаживаясь рядомъ съ колдуномъ.

— Одна дума лежитъ на сердцѣ поголубкѣ сизокрылой, повѣдай, погадай, да и скажи мнѣ, что будетъ ли она моей, иль достанется другому, а вотъ тебѣ и задатокъ...

Иванъ сунулъ колдуну серебряной рубликъ.

— Ну, спасибо на этомъ молодець, сочтемся при концѣ.... Каварно улыбнувшись сказалъ Алёшка. Тотчасъ къ дѣлу. А какъ зовуть твою голубку?

— Маріей.

— Сколько лѣтъ ей знаешь-ли?

— Безъ двухъ мѣсяцевъ осьмнадцать.

— Стало быть въ Сентябрѣ она родилась въ знакъ вѣсовъ? Гмъ! посмотримъ, кто-то у ней суженой-ряженой.... А какой волосъ у ней?

— Настоящій цвѣтъ каштана!

— О, такъ должна быть хороша Ванюша, твоя голубка; не худъ же твой выборъ.... съ сатанинской улыбки проговорилъ колдунъ, и подойдя къ переднему углу снялъ съ полки небольшой дубовой ящичекъ, вынулъ кости своего ремесла, малинькую книженку неформатной толщины, разложилъ кости на

лавкѣ, раскрылъ книжку и началъ что-то кабалистическое бормотать. Кончивъ эту непонятную для Ивана рацею, подзвалъ его къ себѣ.

— Видишь ли, что говорятъ кости, таинственно прошептавъ колдунъ, умѣешь ли по нихъ читать свою судьбу и твоей голубки?

— Нѣтъ я не учился этому искусству, съ робостию отвѣчалъ Иванъ.

— Гмъ! не умѣешь а я знаю судьбу твою и твоей голубки, да полно говорить ли мнѣ? сморщивъ харю сказалъ колдунъ.

— Говори дѣдушка, заклинаю тебя говори скорѣй...

— Слушай же: ты несчастливъ отъ любви; горячо любишь твою Марью, а она тебя еще болѣе; но вотъ эта проклятая кость, какъ будто озлобясь отшвырнувъ въ сторону кость, проговорила колдунъ; она мѣшаетъ, и помѣ-

шаетъ вашему счастью. Естьли у ней старикъ или старуха близкой родня? сказалъ колдунъ пристально глядя на кости и книжку.

— Есть неговорчивой дѣдъ, отвѣчалъ Иванъ.

— Ну такъ онъ то и разстроитъ всѣ ваши планы. Скажу вѣрно тебѣ молодецъ Иванъ Петровичъ, она не будетъ твоей, этотъ старикъ начинаетъ строить другіе планы... смотри, смотри, увивается около этой голубки твоей, какой-то черноокой молодецъ и недаромъ, этотъ старикъ думаетъ думу отдать голубку этому молодцу, да и онъ къ нему неравнодушенъ, любить его и думать надобно, что дѣло у нихъ придетъ скоро къ концу, но голубка твоя, ноетъ сердечушкомъ по тебѣ, и жалко мнѣ васъ; вамъ не обречено быть вмѣстѣ.... Суженаго не выходитъ ей, и тебѣ также.... какая то скорбная участь

предстоитъ вамъ обонмь.... а ты положишь свою головушку на чужбинкѣ....

— Погоди, схвативъ за руку колдуна проговорилъ Иванъ задыхаясь отъ порыва чувствъ; дай мнѣ опомниться.... я не въ силахъ болѣе выдержать твоего злобщаго карканья.... Что ты сказалъ о черноокомъ молодцѣ? Правда ли это? Говори заклятой колдунъ.... иль я задую тебя.

Иванъ бросился на колдуна схвативъ его за шею.

— Что же ты дѣлать хочешь сомною? Виновать ли я, что судьба твоя не такова, какъ бы желалось тебѣ. Клянусь тебѣ всѣмъ, что я не лгу. Ты желалъ знать будущее, и я открылъ тебѣ. Помянешь тогда меня, какъ сбудется все.... Пусти же меня Иванъ Петровичъ, пощади мою старость, я послужу еще тебѣ.... вырываясь изъ мощныхъ рукъ Ивана хрипѣлъ колдунъ.

— Ты послужишь мнѣ? какъ будто опомнясь сказалъ Иванъ. Хорошо, такъ это истинная правда?

— Увидишь завтра.

— Завтра? Ты это знаешь вѣрно?... гдѣ и какъ? говори скорѣй!...

— Тамъ, въ монастырѣ Ипатьевскомъ, послѣ обѣдни.... Теперь прощай! грозно вскричалъ колдунъ, и скоро выбѣжалъ изъ избы, оставя Ивана въ глубокомъ раздумьѣ.

Въ такомъ то положеніи тяжкомъ и печальномъ самозабвеніи пробылъ Иванъ нѣсколько часовъ. Онъ очнулся уже тогда, когда солнце высоко неслоь по голубому небу. Онъ думалъ, не воснѣли ему представлялось все это? но лачуга заклятаго колдуна доказывала противное, и страшные слова еще звучали въ ушахъ его....

Дрожь пробѣжала по всему тѣлу его, онъ всталъ, перекрестился, и поспѣшно вышелъ изъ жилища проклятаго

отшельника, направля шаги къ монастырю Ипатьевскому.

Наступилъ день ясной, Юльской. Къ монастырю Ипатьевскому народъ шелъ толпами по дорогамъ съ четырехъ сторонъ, разодѣтый по праздничному.

Въ дали тихой вѣтерокъ, разносилъ гулъ колокольный, возвѣщавшій собою время божественной литургіи, и всѣ по призывному голосу его спѣшили, опереживая другъ друга, желая стать поближе къ олтарю Господню, насладить взоръ свой его богатствомъ, и вмѣстѣ древнимъ и величественнымъ украшеніемъ, наполнить душу свою этимъ духовнымъ фиміамомъ, стройнымъ и звучнымъ пѣснопѣніемъ отшельниковъ суеты мірскихъ и взглянуть получше, по пристальнѣе на виновника торжества сего, на этаго дорогаго, еще юнаго но великаго имянинника. * Этаго всѣ же-

* Михаилъ Федоровичъ Романовъ праздновалъ свои имянины 12 числа Юля; и въ этотъ день онъ

лали, и отъ того всѣ спѣша тѣснили и перебивали другъ у друга дорогу.

Между такимъ множествомъ желающихъ, было и семейство мастнистаго лѣтами крестьянина—хлѣбосола села Ипатьевского Ивана Сусанина. Его всѣ знали и почитали; и онъ, идя между толпами, былъ награждаемъ часто низкими поклонами и ласковыми привѣтами. Всякой его семьѣ давалъ дорогу, и при общемъ спѣхѣ, никто не давалъ толчковъ. Таковъ то былъ между ними старикъ Сусанинъ и его семья. Пробравшись съ большою трудностью сквозь безчисленную толпу, они наконецъ вошли во храмъ, гдѣ Епископъ Костромской Іосифъ совершалъ Литургію. Бояринъ Романовъ съ матерью были также во храмѣ на своемъ боярскомъ мѣ-

всегда дѣлалъ большой пиръ, какъ это водилось по тогдашнему времени и обычаю Бояръ Русскихъ.

Замѣч. Автора.

стѣ многочисленная свита окружала его.

Нѣсколько часовъ продолжалась служба Божія по уставу монашескому. Старикъ Сусанинъ набожно молился о спасеніи души своей, и о ниспосланіи благъ земныхъ милой и ненаглядной его внучкѣ Марьѣ, которая должна войдти на новое поприще жизни, вступя въ священный союзъ брака, преддверіе ему день сговора былъ уже имъ назначенъ. Молился и о ниспосланіи счастія, здравія и благополучія драгоцѣнному имениннику, котораго онъ любилъ и почиталъ выше всего земнаго, словомъ Сусанинъ горѣлъ молитвою къ Богу.

Но молилась ли его ненаглядная Марія? Такъ-ли она молилась какъ молился, дѣдъ ея, и о томъ ли она просила, можетъ быть, со слезами Жизнодавца и Матерь Божію, чего просилъ онъ?

Да, Марія стоя вмѣстѣ съ невѣсткой своей усердно молилась; но просила она

Всецедраго подателя не земныхъ и суетныхъ благъ, коими ослѣпляется не опытная юность и дряхлая старость; но просила Марія, да воззоветъ онъ Всецедрый отецъ ее къ себѣ, туда, въ обитель дальнюю, горнюю, вѣчную! Да изчислить ее изъ круга живыхъ, потому что она не въ силахъ болѣе выносить тяжкаго ярма бѣдствій, обрушившихся на ея душу и Сердцѣ...

И когда она увлеклась этой мыслію, невольно вспомнила, что она обречена другому.... и сердце ея, этотъ талисманъ не избралъ его участникомъ своимъ, и она какъ кроткій ягненокъ, какъ невинная голубка едва оперившаяся, должна наперекоръ судьбы испить эту чашу горести покориться волѣ отца и дѣда: Какъ горько, какъ неутѣшно плакала Марія въ продолженіи обѣдни; и уже по окончаніи ея, она какъ будто очнулась, когда возгласили громкое многолѣтне законному Государю, На-
Ив. Сус. Ч. I. 6

слѣднику прародительскаго Престола земли Русскія, Михаилу Федоровичу Романову — и сердце Русское, невинное Маріи, встрепенулось отъ торжественнаго взыва; который, будто потрясъ своды святаго храма: этотъ день былъ очень памятенъ юному обладателю земли Русскія, когда Архипастырь святыя церкви, взоидя на Амвонъ по окончаніи обѣдни, прочель во услышаніе всѣхъ всеподданныйшую грамоту отъ Князей и Бояръ, присланную наканунѣ дня изъ Москвы, въ коей онъ признанъ законнымъ Государемъ земли Русскія и клиръ возгласилъ многолѣтіе Царю Русскому.

И какое зрѣлище представилось при торжественныхъ минутахъ этихъ! Михаилъ плакалъ, какъ плачетъ дитя; но вдругъ просіяло мужество на лицѣ царственнаго юноши, онъ взялъ руку своей матери, благочестивой Марфы Романовой, и огненной поцѣлуй напечат-

лѣмъ на рукѣ родимой; перекрестился и вошелъ на Амвонъ къ Архипастырю.

«Представитель святыя Церкви! сперва къ тебѣ обращусь съ умоляющимъ словомъ, сказалъ Михаилъ Романовъ, и крупныя свѣтлыя слезы заблестали на очахъ царственнаго отрока. Я слышалъ, я внималъ грамоту, читанной тобою Пастырь благочестивый; она миѣ прислана отъ князей и бояръ земли Русскія, эта грамота призываетъ меня принять упразднившійся престолъ Царскій, вступить въ управленіе моимъ отечествомъ, которому я вѣрный сынъ. Нѣтъ, Святитель, я не дерзаю вступить въ санъ Царя, и умоляю тебя, и всѣхъ васъ, братіи мои, оставить меня въ спокойствіи, въ этой уединенной обители, въ которой я долженъ съ моею матерью лить слезы о спасеніи жизни страдальческой моего несчастнаго родителя.... Да и я не вынесу тягости правле-

нія Царя, я очень молодъ *, изберите себѣ Царя достойнѣе меня князь Пожарскій и Шуйскіе — вотъ вѣрные представители для васъ.»

Михаилъ замолчалъ, какъ будто ожидалъ онъ отвѣта. Архіерей сказалъ: «Во имя единосущной Троицы, и по силѣ грамоты этой, ты законный Государь и такъ воскликнемъ: съ нами Богъ и Государь нашъ Михаилъ Романовъ!»

Тысячи голосовъ раздались въ народѣ, и подобно грохоту грома огласили, стѣны святой обители. «Съ нами Богъ и Государь нашъ Михаилъ Романовъ, мы никого не желаемъ кромѣ его!»

Но Михаилъ сказалъ: благодарю васъ, братіи мои, за такой привѣтъ; но я самъ буду писать въ первопрестольный градъ

* Михаилу Федоровичу былъ только что 17-й годъ отъ рожденія.

Москву отзывную грамоту; буду умолять, если только возможно, обойти меня этимъ выборомъ; я представлю князей и бояръ достойнѣй и старше меня лѣтами къ сану царскому. И сказавъ эти слова Михаилъ сшелъ съ Амвона, и вмѣстѣ съ матерью удалился въ свой теремъ; но народъ не преставалъ возглашать имя Михаила, какъ законнаго своего Государя.

На луговинахъ монастырскихъ были разставлены длинныя столы, заставленные разными кушаньями, огромныя котлы кипѣли сладкимъ сбитнемъ, и служители монастырскіе щедро подчивали имъ, званыхъ и незваныхъ гостей за здоровье имянника Михаила Романова!

Старикъ Сусанинъ былъ въ числѣ званыхъ гостей, и пиравалъ съ семействомъ въ боярскомъ теремѣ. Ласка и радушный пріемъ хозяина ободрили старика и дали смѣлость высказать все, что было у него на сердце. То плакалъ

онъ и цѣловалъ руки у Михаила, то весело пилъ зеленое вино и свѣтлый медъ за здоровье добраго и радушнаго хозяина имяннинника; и здѣсь то отъ избытка чувствъ сказалъ то, что тяготило его сердце: онъ говорилъ матери Романова о своей голубкѣ, ненаглядной Маріи, сказалъ, что онъ отдаетъ ее замужъ, за молодого Москвича Рискунова.

— Доброе, доброе дѣло, старинушка Сидоровичъ затѣваешь, такъ всегда называла его Марфа Романова. Можетъ Богъ приведетъ тебѣ попить на свадьбѣ у твоей ненаглядной голубки и дожждаться правнучковъ.... Да, она дѣвушка хорошая, я люблю ея за скромность, а скромность старинушка, межъ красными дѣвицами дѣло великое и хорошее. Будь счастлива моя милая, и Романова поцѣловала Марію, которая была подлѣ нея, а она у ней руку.

— А гдѣ-жъ суженой ея, спросила Романова.

Онъ здѣсь, добрая моя Государыня матушка, и тотчасъ предстанеть предъ свѣтлое лице твое; и сказавъ эти слова старикъ пустился искать Рискунова, нареченаго своего внука по горницамъ въ которыхъ пировали гости.

— Старой демонъ, остановись, разбойникъ.... куда тащится гнусная душа твоя? или разомъ задушить тебя?... въ себя и въ ужасномъ отчаяніи говорилъ Иванъ, встрѣтя Сусанна въ одной изъ горницъ терема Романова, сильно схватя его за полу кафтана.

— Ба! это ты презренная тварь.... и ты осмѣлился войти сюда, въ этотъ теремъ Государя, осмѣливаещя еще....

— Убить тебя чудовище, тиранъ, вскричалъ въ бѣшенствѣ Иванъ, не давъ договорить Сусанину, и взмахнувъ вооруженною рукою камнемъ, ударилъ

сильно старика Сусанина имъ по головѣ.

— Помни-жъ меня старой дьяволъ сказалъ, уходя Иванъ, Сусанину, который облившись кровію упалъ на полъ. На стоиъ и крикъ его сбѣжались люди изъ всѣхъ горницъ, и изумились, видя его плавающимъ въ крови, и глубокомъ безпамятствѣ.

Скоро подана была помощь ему, но вѣсть объ этомъ произшествіи дошла до ушей Романовой, а ея сына еще скорѣй; она произвела на всѣхъ непріятное впечатлѣніе и замятняла такой торжественный день кровавымъ зрѣлищемъ. Наступалъ глубокой вечеръ, какъ народъ постепенно убавлялся, и къ полуночи обитель опустѣла, и желѣзныя ворота, такъ радушно принимавшія всѣхъ затворились и тяжелый запоръ плотно прилегъ къ нимъ. Но тамъ позади терема боярскаго кто-то медленными шагами прохаживался по длинной аллеѣ,

ведущей въ садъ и прямикавшей къ самому терему. Послышался кашель вдали, и мужчина не высокаго роста въ длинномъ армякѣ и высокой шапкѣ, услыша какъ будто условный знакъ, поспѣшно пошелъ къ тому мѣсту.

— Что ты такъ долго? я давно жду тебя, Фадеюшка, сказалъ Иванъ это былъ онъ.

— Да все не было время, право Иванъ Васильевичъ, усталъ, что немочь беретъ; ужъ мнѣ этотъ праздникъ и боярская пируха! за то и не даромъ; набилъ кармашки рублевниками.... Пойдемъ же поскорѣе, какъ бы насъ не замѣтили, а то подумаютъ и Богъ не вѣсть что, сказалъ гудочникъ. Они пошли по аллеѣ, и на самомъ концѣ сада сѣли на дерновую скамью.

— Что Иванъ, ты худо надѣмалъ, будетъ ли полно живъ старикъ.... Мет-

ко же ты его поподчиваль, смѣясь говорилъ Фадей.

— Туда ему и дорога скареду! Да какъ дѣла то, сказалъ Иванъ.

— Да плохи для тебя также какъ и ты плохо погорячился. Слушай, повѣдаю, тебѣ что слышалъ и видѣлъ о твоей голубкѣ; она почти сговорена уже за Рискунова витъ ты знаешь того молодого Москвича и я пилъ за здоровье ихъ!...

— Чтобъ провалиться ему сквозь тартаръ, вскричалъ Иванъ прервавъ гудочника.

— Ради Бога не кричи... до худа не долго и мнѣ съ тобою; я любя тебя лишь это дѣлаю а недля-чего...

— Благодарю, другъ мой, вотъ тебѣ за память обо мнѣ горемыкѣ... Иванъ далъ ему нѣсколько рублевиковъ. Да, я не зналъ преждѣ тебя хорошо, и думалъ, что ты сказалъ старому демо-

ну Сусанину про любовь мою къ Маріи.... Ну, другъ, прости моеѣ запальчивости, не сердись на меня, прибавилъ Иванъ.

— Э, что за сердце, Иванъ Васильевичъ, я благодаренъ тобою родимой, отвѣчалъ Фадей, припрятывая рублишки.

— А когда свадьба будетъ? проговорилъ Иванъ.

— Гутарятъ по осени, и какъ слышалъ, что будто старикъ Сусанинъ приглашалъ и низко кланялся моеѣ боярынь Романовой, прося ее занять почетное мѣсто посаженной матери....

— Довольно, сказалъ Иванъ отчаяннымъ голосомъ, по осени развѣ будетъ ихъ кровавая свадьба; нѣтъ, не достанется же Марія на потѣху гнуснымъ извергамъ.... я вырву ее изъ варварскихъ челюстей, не дамъ на снѣдвіе имъ, или скорѣе самъ погибну! Но этотъ старый демонъ не уйдетъ отъ меня, и если

погублю его не своими руками, то предаму въ руки Польскія... Да, добрый Фадей, мнѣ ужъ не лъзя больше оставаться въ здѣшнихъ мѣстахъ... я знаю, что меня ищутъ, но придетъ время когда и я поищу ихъ... да и мнѣ самому опостымила родина моя, теперь я уже не сынъ ея. Отринутый и презренный ею я озлобленъ... изыскиваю въ умѣ моемъ всѣ адскіе замыслы противъ родины, противъ этаго старика, и противъ суженаго Маріи — всѣ должны погибнуть — спасена же должна бы одна Марія.

Теперь побѣгу, полечу туда въ Москву, и не какъ защитникъ здѣшнихъ мѣстъ, но какъ предатель: войду въ связь съ Поляками, и черезъ нихъ дойду до Королевича ихъ, которому открою тайну души моей, тайну теперь только загнѣздившуюся въ моемъ сердцѣ, и надеюсь что онъ ко мнѣ не будетъ нечувствителенъ не отринетъ меня, какъ забыла меня и отринула мать отчизна

моя! Прости добрый Фадей, при случаѣ я тебя не забуду.

Иванъ обнялъ, какъ бы забывшагося гудочника, и скоро скрылся съ глазъ его въ густыхъ аллеяхъ боярскаго сада.

— Худо, худо затѣваешь, молодець, какъ будто опомнившись проговорилъ гудочникъ, качая головою; смотри, не положи сперва насперва свою горемычную головушку; не тебѣ бы думать о такихъ страшныхъ дѣлахъ, и не мнѣ бы вислоухому гудочнику слушать пустыя твои рѣчи. Эге, ужъ заря начала заниматься, а я еще глазъ съ глазомъ, не свель, взглянувъ въ верхъ прибавилъ гудочникъ; ну, да не даромъ; понабилъ свои кармашки, да и тутъ сорвалъ хоть не за пѣсню такъ за вѣсточку—и гудочникъ потихоньку сталъ пробираться къ боярскому терему.

Послѣ нанесеннаго удара старику Сусанину въ отчаянной и дерзкой за-

пальчивости Ивановъ, онъ опомнился, скоро подана была ему помощь отъ его семейства и постороннихъ, которые брали живое участіе въ старикѣ. Сама Романова дала разныя примочки, и своими руками перевязывала больныя мѣста — такъ она любила старика Сусанина, который не смотря на боль, отъ чистаго сердца лилъ слезы благодарности и лобызаль руки своей благодѣтельницы. Вскорѣ его отправили домой при тщательномъ надзорѣ его родныхъ.

Михаилъ Романовъ, этотъ царственный юноша, показалъ здѣсь всю справедливость своего, еще юнаго характера къ угнетенной невинности, повелѣвъ не медля отыскать дерзкаго преступника, для представленія судьямъ и блюстителямъ справедливости и законовъ къ примѣрному наказанію. Но по всѣмъ розыскамъ, не только Иванъ, но и слѣда его не отыскали, и всѣмъ запало на умъ, что онъ самъ себя пре-

кратиль гдѣ нибудь жизнь постыд-
нымъ образомъ.

Нашлись люди, которые пожалѣли о
безразсудной молодости; а были и та-
кіе, которые говорили: туда ему и до-
рога!

Посудили, поговорили, и скоро за-
были объ этомъ происшествіи.

Такъ всегда дѣлается на свѣтѣ!..

Приближалось уже время назна-
ченное для открытаго сговора Маріи съ
Рискуновымъ.

Сусанинъ постепенно оправлялся отъ
болѣзни. Начались приготовленія, зазы-
вы гостей, словомъ суматоха. Наконецъ
наступилъ назначенный день, и Суса-
нинъ уже излѣчившись отъ болѣзни
совершенно, принималъ главное распоря-
женіе и участіе въ этомъ. Онъ же
былъ первымъ изъ зажиточныхъ крестьянъ
села Ипатьева; всѣми былъ любимъ
и уважаемъ за честность и доброе серд-

це; пользовался покровительствомъ отъ боярскаго дома *Романовыхъ*; да притомъ же выдавалъ замужъ ненаглядную и любимую имъ внучку, за богатаго и молодаго Московскаго купца. По всѣмъ этимъ причинамъ Сусанину не хотѣлось равняться съ прочими и сдѣлать вечеринку кое какъ на скорую руку; но, какъ съ полными обрядами религiи, которые при этомъ случаѣ всегда бывають, такъ и составить бы пирь, за который бы ему всякой сказалъ сто разъ спасибо за позывъ. Въ эдакомъ то тонѣ готовилъ пирь Сусанинъ.

День былъ прекрасный, погода теплая, хотя иногда и понахивало Сентябремъ; но что за дѣло, у Сусанина было много горницъ есть гдѣ помѣститься гостямъ. Какъ скоро отошли вечерни, и званые гости постепенно стали наполнять горницы Сусанина, и хозяинъ каждаго гостя встрѣчалъ съ поклономъ, чистымъ взглядомъ, и ласковымъ привѣтомъ.

Спустя часъ времени подъѣхала къ воротамъ въ богатой боярской колымагѣ знаменитая посаженая мать, Романова, съ Царственнымъ сыномъ, и Сусанинъ, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Петромъ отцемъ Маріи, ведя за собою жениха и невѣсту встрѣтили по тогдашнему обычаю знаменитыхъ гостей. Всѣ съѣхались разодѣтые, и разряженные: и молодцы и красныя дѣвицы, и молодки и муженьки ихъ, и сѣдильскія головки.

Но кто всѣхъ лучше были, какъ не прелестная невѣста Марія? Кто всѣхъ ловчѣе и складнѣе, какъ не женихъ ея? И этотъ стройный станъ, и эта томность глазъ, и эта ослѣпительная бѣлизна лица, на коей рисовалась какая-то таинственная дума и грусть, придавали ей еще болѣе прелести и красоты....

Всѣ глядѣли на нее, всѣ любовались ею какъ существомъ неземнымъ; но Марія была скучна и ни на что не обра-

щала вниманія, только по временамъ говорила съ Романовой, возлѣ которой она сидѣла. Она, то рассказывала ей о невинныхъ удовольствіяхъ своей юности, дѣтскихъ играхъ, пѣсняхъ, о этой беззаботной дѣвической жизни—а болѣе ни о чемъ; то цѣловала часто ея руки потому что она почитала и любила ее, лучше всѣхъ.

Женихъ же ея напротивъ былъ очень веселъ, разговорчивъ со всѣми, всѣмъ говорилъ, что онъ чрезвычайно счастливъ, что Богъ посылаетъ ему въ обладаніе такое прелестное существо, такую Майскую розу.

Наступило время обряда и служитель святыя церкви, прочтя завѣтныя молитвы, повелѣлъ Маріи проститься съ своими подругами дѣвства, а ея жениху съ молодцами, потомъ, вруча приготовленные къ сему дѣлу святыя иконы въ богатыхъ золотыхъ окладахъ, вручилъ вмѣстѣ съ хлѣбомъ и солью боярынѣ

Романовой и Петру сыну Сусанина, отцу Маріи; и женихъ съ невѣстою набожно дѣлали троекратные поклоны до земли; за этимъ священникъ обручилъ ихъ златыми кольцами, какъ завѣтами вѣчнаго неразрывнаго союза благославляемаго самимъ Богомъ и здѣсь пламенной поцѣлуй, быстрый, сильный, какъ искра электрическая заключилъ обрядъ жениха и невѣсты!

До этаго времени все безмолвствовало; все молились и набожно взирали на обрядъ обрученія; но теперь говоръ заступилъ мѣсто тишины, и красныя дѣвицы, призванныя на сговоръ ихъ подружки не замедлили исполнить свой долгъ: онѣ запѣли свадебныя пѣсни и все оживилось. Стопки и купки безпрестанно пѣнились дорогими винами, пивомъ и свѣтлымъ медомъ, и дружно осушались при желаніи счастья любви и согласія жениху и невѣстѣ. Боярской гудочникъ Фадей веселилъ всѣхъ сво-

ими пѣснями и прибаутками. Онъ часто взглядывалъ на невесту Марію какимъ то сострадательнымъ взглядомъ и Марія, кажется, понимала и читала въ его взглядѣ, что-то грустное для своего сердца. Хотя она сидѣла и подлѣ жениха своего, но мысль ея слѣдила того, который былъ уже далеко отъ этого мѣста веселія; и хотя всѣ считали ее счастливою, но Марія думала иначе; она очень знала, что есть жертва предразсудковъ и тяжкаго повинованія для чувствительнаго и нѣжнаго сердца!

Повременамъ, выходя въ свою свѣтлицу, облегчала грусть, эту грызущую змѣю сердца щедрыми слѣзами... да, такова участь всѣхъ страдальцевъ—слезы ихъ пища, лекарство разстерзаннаго сердца....

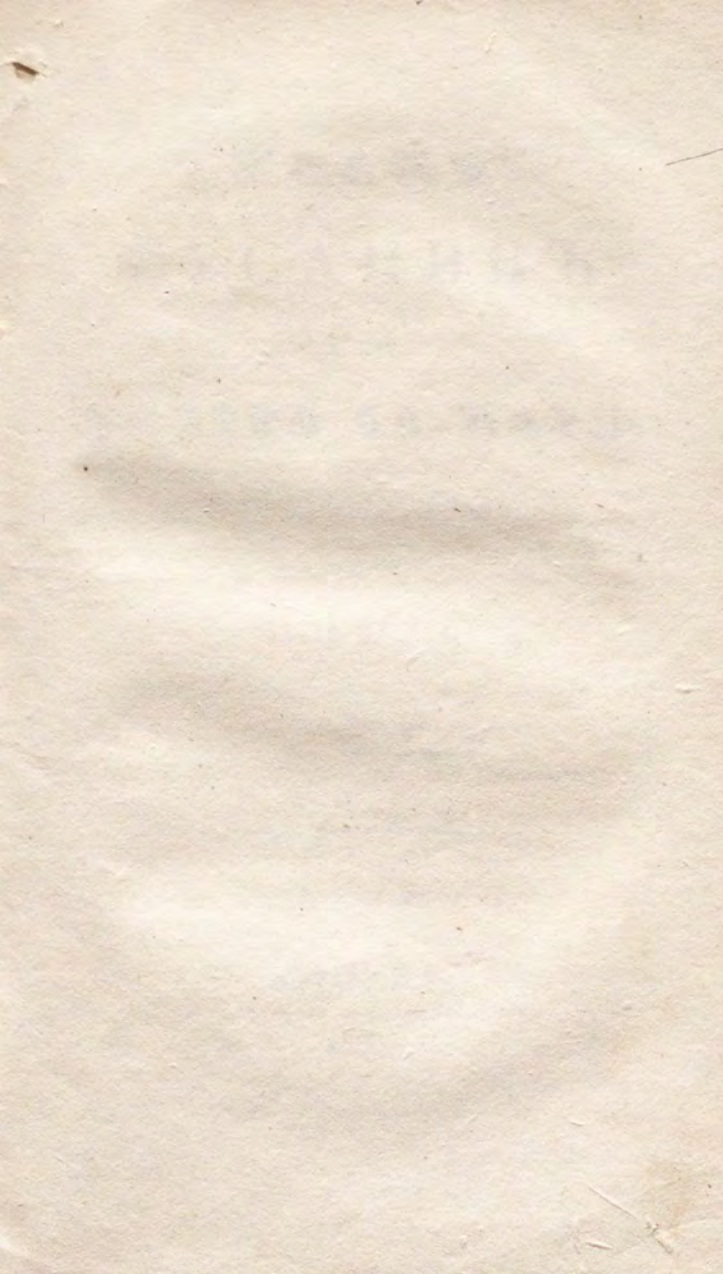
Било одиннадцать часовъ вечера, какъ боярыня Романова съ своимъ сыномъ, поблагодаря добраго хозяина и хорошаго семьянина, за почетное для ней званіе

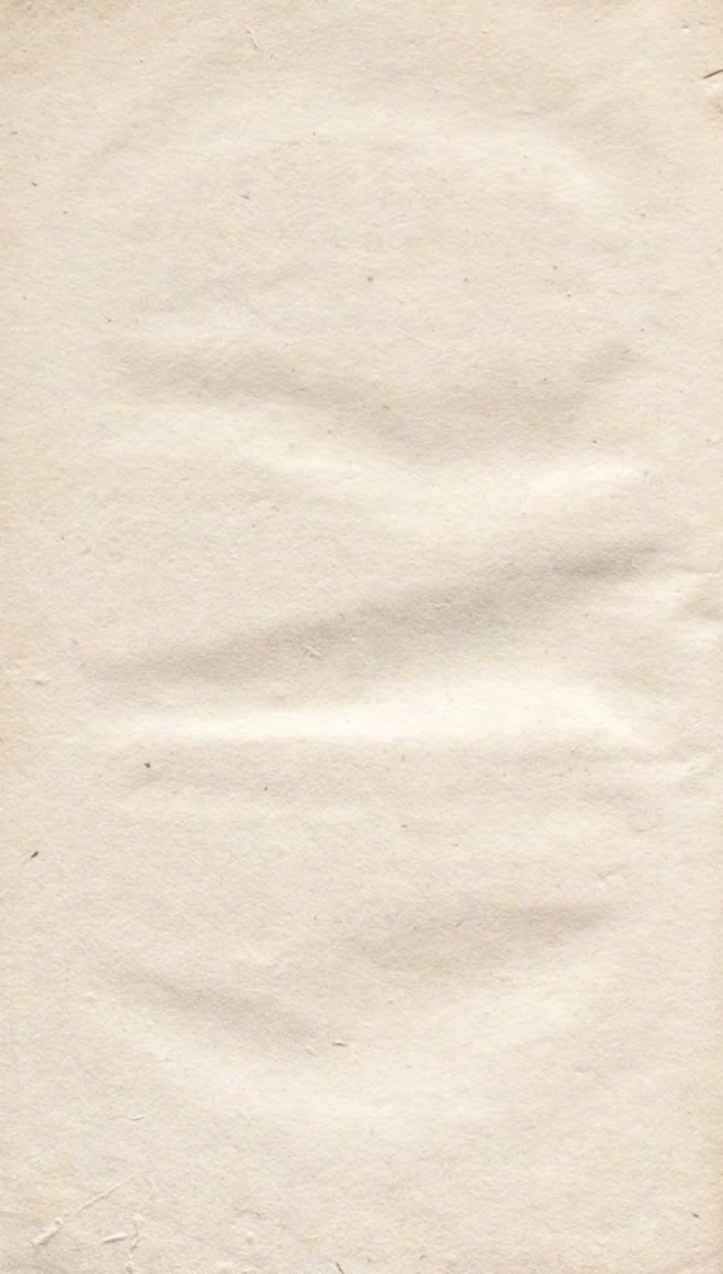
матери, давъ наставленіе по своему долгу жениху и невѣстѣ поѣхали домой.

Долго, долго полночь продолжалась пирушка; одни игры смѣнялись другими и придавали ей еще болѣе веселости и разнообразія; но, наконецъ природа и напитки Бахуса взяли свое и скоро горницы ласковаго и добраго Сусанина опустѣли, и Марія оставивъ жениха, пошла въ свою свѣтлицу. О, какъ рада она была, что нашла свободу дать волю своимъ мыслямъ, которыя терзали ее воображеніе, представляя ей всю безнадежность на прошедшее, и очертывали наступающую для нея будущность, какими то мрачными красками, и отъ этаго то она такъ не утѣшно плакала!

Бѣдная Марія, что-то будетъ съ тобою?...

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ИВАНЪ
СУСАНИНЪ

ИЛИ

СМЕРТЬ ЗА ЦАРЯ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

«О родни свата,
Какое сердце не дрожитъ
Тебя благословля!»

Жуковский.

Сочиненіе Михаила Дмитревскаго.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ НИКОЛАЯ СТЕШАНОВА.

1839.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Ноября 17 дня, 1838 года.

Ценсоръ *М. Каченовскій.*

«Гоненье на Москву, что значить?... видите свѣтъ
Гдѣжь лучше? гдѣ насъ нѣтъ!»

Грибоедовъ.

«Какъ не любить родной Москвы!...»

Баратынскій.

Начинало смеркаться и снѣгъ клочьями валялся и устилалъ землю бѣлымъ полотномъ. По дорогѣ Смоленской нѣсколько полупьяныхъ Поляковъ тащились изъ Москвы, качаясь и распѣвая свои національныя аріи и пѣсни.

На третьей верстѣ отъ Русской столицы эта полупьяная толпа остановилась—здѣсь видѣлся не много въ праву отъ большой дороги полуразвалив-

*

шійся домишка крытый соломою; огонь мелькалъ изъ крошечныхъ окошекъ — это былъ домъ разгуля любителей бахуса, его одуряющаго напитка. Сюда-то эти Ляхи направили путь.

— Давай скорѣй водички Москаль, вскричалъ одинъ изъ Поляковъ, входя въ горницу, напитанную спиртуозными парами.

— А сколько васъ тутъ? проговорилъ продавецъ напитка, толстобрюхой крестьянинъ, бѣлокурой съ окладистой бородой и въ кумачной рубашкѣ.

— Да съ десять насчитаешь; ну же по кружкѣ на брата живѣй Москаль, вотъ тебѣ и злотые, сказалъ другой Полякъ.

И они все помѣстились за длиннымъ неопрятнымъ столомъ, на скамьѣ; но этотъ столъ носилъ только одно названіе, а по фигурѣ былъ ни что иное какъ то-же высокая скамья.

— Ну панъ Хорвицкій, началъ одинъ Полякъ, какъ не говори, а право худо,

намъ приходитъ жить въ этой Москoвѣи — голодъ не свой братъ, шутить не любить; и еслибъ не этотъ доброй Москаль, съ которымъ я познакомился съ недѣлю, не давалъ водички, то право вотъ тебѣ Пань, божусь, я давнымъ давно разшибъ-бы себѣ голову вотъ этимъ пріятелемъ моимъ.... Онъ показаль пистолеть.

— Іезусъ Марія *! вскричалъ Пань Хорвицкій, въ умѣли ты Эгмондъ! (такъ звали этаго отчаяннаго удальца). Или ты думаешь голодъ дороже души? Да притомъ же эта жертва важна какъ для нашего отечества такъ и для славы короля Сигизмунда....

— Проваль его возьми, вскричали нѣсколько голосовъ; изъ честолюбія и зависти онъ жертвуетъ нами; насъ ду-

* Іезусъ Марія у Поляковъ это—религіозное восклицаніе.

шать и мучать Москали, когда на ихъ улицѣ праздникъ, въ отплату за то, что мы у нихъ отнимаемъ насильственно послѣднія крохи, дабы утолить нестерпимый голодь....

— Да, Эгвидь, сказалъ Панъ Хорвицкій, оборотясь къ одному молодому и прекрасному лицу Поляку, правда что мы теперь терпимъ не посилаемъ, а особенно ты мой бѣдняжка — ты переносишь голодь и тѣлесной и душевной — одинъ другаго стоить.... Что-то твоя прекрасная, нѣжная, черноокая Юліана, думаю соскучилась по тебѣ отъ такой шестимѣсячной разлуки.... или....

— Полно, Панъ шутить, не тревожь мое ретивое — оно и такъ не угомонно, какъ не угомоненъ нашъ обольститель Король. Что касается до моей Юліаны, то она все таже какой была, и все такъ мила, и все такъ вѣрна.... Да, я вчера получилъ письмо отъ ней, но

лишь только ворочусь въ нашу прекрасную *Warsavie*, прилечу къ моей Юліанѣ, въ ея пылкія, пламенныя объятія, и союзъ священный, вѣчный соединитъ насъ.... и на глазахъ юноши заблестали радостныя, сладкія слезы.

— Bravo, Эгвидъ, вскричалъ Панъ Хорвицкій. Друзья, за здоровье любезной *коханочки* * Эгвида — вивать! И Хорвицкій съ товарищами осушили залпомъ стопки свѣтлаго вина. Эгвидъ покраснѣлъ, какъ краснѣетъ дѣвица при взглядѣ на любезнаго....

— Вина, вина Москаль, давай скорѣй еще по кружкѣ, кричали опьянѣлые Ляхи.

— А что, Москаль, подойдя къ залавку сидѣльца, шепнулъ Полякъ по имени Эгмондъ. Кто у тебя за чудо-

* *Коханочкой* у Поляковъ называется дѣвица или барышня.

юдо сидитъ вонъ тамъ, въ угль, заку-
танный съ ногъ до головы, а? Не шпи-
онъ ли полно?

— Какой шпионъ, пріятель, просто
прохожій изъ далека, отвѣчалъ сидѣлецъ.

— Да что-же онъ тамъ сидитъ какъ
кикимора, не хочеть-ли онъ водички;
она съ дорожки-то хорошо.

— Не знаю, спроси самъ, сказалъ
сидѣлецъ.

И двое Поляковъ подошли къ незна-
комцу.

— Здравствуй, Пане, кто ты ни есть,
добрый человѣкъ или лихой?

На призывъ ихъ отвѣта не было; не-
знакомецъ какъ будто былъ погруженъ
въ глубокую думу. Вопросъ снова
повторился, и незнакомецъ очнулся
какъ-бы.

— Кому я нуженъ, кто спрашиваетъ
меня? Проговорилъ онъ.

— Мы добрые Поляки, и хотимъ послужить тебѣ...

— Поляки!... съ иступленною радостію вскричалъ незнакомецъ, мнѣ то васъ и нужно я вамъ пріятель, вашъ товарищъ—слышите-ли?

— Bravo, новой товарищъ, ради, садись съ нами, подружиться за водичкой; вскричали всѣ усаживая новаго товарища съ собою, осушивъ еще по стакану вина.

— Ну теперь, да позволено мнѣ будетъ назвать васъ товарищами; скажите же мнѣ, что дѣлается въ Москвѣ? выпивъ стаканъ вина, проговорилъ незнакомецъ.

— Ба, онъ Москаль, онъ Русской! вскричали всѣ.

— Да, Русской, но только Русской по этому хилому и слабому оставу; но вашъ, сильной и храброй по душѣ, по этому истерзаному сердцу отринутому, я вашъ, слышите-ли?

— Что это значитъ, товарищъ, чѣмъ истерзанно твое сердце? Спросилъ Панъ Хорвицкій.

— Нѣтъ, скажите мнѣ напередъ, что дѣлается въ Москвѣ; я горю желаніемъ знать объ ней подробно, и тогда я объясню вамъ, теперь непонятныя для васъ слова мои, снова повторилъ свою просьбу незнакомецъ.

— Мы и сами не знаемъ зачѣмъ пришли сюда, такъ началъ Панъ Хорвицкій; ласки, обольщенія, угрозы, словомъ всѣ хитрости употребленны были со стороны нашего Королевича, и этаго проклятаго Пана Сендомирскаго Юрія Мнишки его любимца. Намъ наговорили, на обѣщали въ вашей Московіи золотыя горы, а вышло на дѣлѣ другое. Не только не видимъ нашихъ сдобныхъ и вкусныхъ варенчиковъ *, но дожили

* *Варенцами* или *варениками* называются въ Польшѣ маленькіе пирожки съ сыромъ или мясомъ; они или жарятся въ маслѣ, или варятся въ водѣ.

теперь до того, что и завалящая сухая корка служить лакомымъ кусочкомъ....

— Чтобъ согнуть Владиславу, проворчалъ сквозь зубы, отворотясь въ сторону одинъ полякъ. Онъ привелъ насъ тѣшиться надъ нашимъ голодомъ, вдали отъ родимой Польши; потѣшься же надъ его душею самъ Господь Богъ, за мученье его надъ нами....

— Ну, погоди Эгмондъ, не перебивай рѣчи, сказалъ Панъ Хорвицкій. Да, товарищъ! голодъ и холодъ не ладны; мы обмануты да и только; дѣлать нечего, еще подождемъ конца, а иначе....

— Иначе маршъ на родину! вскричалъ другой полякъ шатаясь по горницѣ.

Замолчи, глупецъ, повелительно сказалъ Панъ. Будь пьянъ да умень—слышишь ли?

Полякъ замолчалъ, и Хорвицкій продолжалъ: Владиславу очень хочется быть

Царемъ Московин. а у васъ теперъ вѣдь нѣтъ Государя, и хотя говорятъ про какого то вашего Пана Романова, да никто не знаетъ гдѣ онъ находится....

— Гмъ! не знаютъ? это-то мнѣ на руку, проворчалъ сквозь зубы незнакомецъ, сдѣлавъ злобную улыбку. А положимъ, что еслибъ Владиславъ узналъ о его мѣстѣ житья, то тогда чтобъ сдѣлалъ онъ?...

— Ого, товарищъ, вотъ тебѣ Богомъ клянусь, что Владиславъ дорого бы заплатилъ тому, кто бы только сказалъ про Романова ему, мнѣ кажется, онъ бы самъ себя заложилъ за эту счастливую вѣсть, онъ знаетъ, что Романовъ соперникъ ему, вотъ въ этомъ-то теперъ и идетъ затыжка, а еслибъ не было его, тогда все давнымъ бы давно уладили, и Владиславъ достигъ бы непременно своей цѣли; а теперъ выходитъ запятая. Впрочемъ онъ ожидаетъ послѣдняго рѣшенія отъ Князей и Пановъ ва-

шихъ, а иначе уже силою займетъ мѣсто Государя Московіи....

— А что Панъ Хорвицкій, проговорилъ незнакомецъ, можно ли видѣть вашего Королевича, на примѣръ мнѣ?

— А для чего? вскричали всѣ съ изумленіемъ.

— Да такъ, сказать ему одно словечко, за которое, увѣренъ, онъ хорошо поблагодаритъ меня....

— Эге, товарищъ, про насъ сказать что ли?... Сказалъ Панъ, круча свои усы, такъ неводится, это худо вотъ какъ же мы опростоволосились, видно ты шпионъ отъ Королевича.... но впрочемъ мы тебя живаго не выпустимъ изъ рукъ, если ты не скажешь намъ подь клятвой твое намѣреніе, о чемъ ты хочешь говорить Владиславу, говори сей часъ, теперь, или голова твоя покатится шаромъ съ плечъ, слышишь ли Москаль?

Ха, ха, ха! Ой вы Ляхи, Ляхи, смѣясь говорилъ незнакомецъ; или вы не поняли меня—слушайтежъ теперь. Дѣло пришло къ развязкѣ; вы приняли меня къ себѣ въ товарищи, хотя и Русской я—не такъ ли?

— Такъ, такъ, вскричали всѣ.

— Ну дальше слушайте: я сказалъ непонятныя для васъ слова, что мое сердце истерзано въ борьбѣ съ бѣдствіями, отринуто родиною....

— Точно, ты говорилъ это, и мы до сихъ поръ не понимаемъ, къ чему они клонятся, сказалъ Панъ Хорвицкій.

— Теперь поймете ихъ: я сынъ богатаго крестьянина села Ипатьевского, оно отъ сюда около трехъ сотъ поприщъ; меня зовутъ Иваномъ, (это былъ онъ); я родился и выросъ въ этомъ селѣ. Въ немъ почти однихъ лѣтъ была прекрасная собою, невинная любезная дѣвушка ее зовутъ Марія; она то же вну-

ка одного богатаго и уважаемаго всѣми, старика Ивана Сусанина. Мы почти возросли вмѣстѣ; привычка какъ то сроднилась насъ, и мы другъ безъ друга скучали. Но наступили лѣта въ которыхъ развиваются всѣ способности данныя существу разумному отъ творца всемогущаго, и любовь—это чувство не земное, эта ужасная борьба съ природою, этотъ ураганъ души чувствительной и нѣжной, желѣзной и холодной — затлилась—запылала въ сердцахъ нашихъ—въ сердцахъ еще невинныхъ и неопытныхъ; и — слезы полились изъ глазъ Ивана. Да, товарищи, я съ моею милою Маріей, ждалъ только одного—нашего блаженства, нашего счастья, чтобъ этотъ священный и этотъ важный союзъ брака соединилъ насъ на вѣки; но судьба готовила чашу горестей, и наперекоръ сдѣлала свое... свое, можетъ быть къ общей нашей гибели. Мы любили другъ друга тайно, страстно, и никто изъ род-

ныхъ ни ея, ни моихъ не знали про любовь нашу. Я избралъ время, рѣшился открыться въ любви нашей ея отцу, и просилъ позволенія на бракъ—онъ былъ согласенъ; но дѣдъ этотъ проклятой старичишка и слышать не хотѣлъ объ этомъ, и на отрѣзъ сказалъ, что онъ никогда не отдастъ свою внуку за такого разгульнаго парня какъ я, и въ добавокъ угрожалъ проклятіемъ, буде не сдѣлается по его волѣ. На эту пору случился у него въ домъ молодой купчикъ изъ Москвы, котораго этотъ старикъ любитъ, и за него то онъ, корыстолюбецъ, теперь просваталъ мою милую Марію, за этаго бездушнаго чловѣка, у котораго только карманы звенятъ золотомъ.... я взбѣсился, и въ безуміи моей страсти, въ этомъ всепожирающемъ ураганѣ, на праздникѣ у Боярина Романова этаго, самаго законнаго наследника земли Русскія, на несъ ударъ, можетъ быть и смертельный, и

какъ отринутой родиною, бѣжалъ сюда, дыша мщеніемъ и гибелью.... Вотъ товарищи, въ чѣмъ дѣло: я открыть хочу для вашего блага и счастья Королевича Владислава, мѣсто, гдѣ живетъ законный наслѣдникъ земли Русскія Романовъ; а вы мнѣ за эту вѣсточку помогите отмстить этому злому старику Сусанину, и вырвать изъ челюстей чудовищей мою милую Марію....

— Іезусъ Марія! вскричали всѣ Поляки въ энтузіазмѣ. Не Богъ-ли намъ посмалъ тебя товарищъ? Будь спасителемъ нашимъ!... Вивать, вивать Иванъ Москаль нашъ, добрый товарищъ! И каждый обнималъ Ивана.

Долго, долго за полночь пировалъ Иванъ предатель съ новыми своими товарищами и уже на зарѣ, опьянѣлые, они едва выкатились изъ дома развратнаго и грубаго пиршества.

« Москва, Россіи дочь любимая,
Гдѣ равную тебѣ сыскать? »

ДМИТРИЕВЪ.

Скажите мнѣ, гдѣ гнездится это божественное, это безотчетное чувство привязанности и любви къ отчизнѣ, гдѣ мы въ первые узрѣли свѣтъ Божій, возросли и возмужали? Такъ-ли мы любимъ мать, которая лелѣяла и питала насъ своимъ млекоу? Такъ-ли любитъ юноша подругу жизни своей, съ коей онъ дѣлитъ и радости и горе, роскошь и бѣдность? Одно-ли это чувство привязанности, и одна-ли и таже любовь? Нѣтъ, друзья мои, нѣтъ. Любовь къ родному — это чувство энергическое, священное; оно рождается въ насъ вмѣстѣ, съ нашимъ рожденіемъ; слѣдовательно это чувство — есть мы сами, и по этому оно угаснетъ тогда, когда мы отдѣлимся отъ міра сего

и перелетимъ къ любви безконечной и
вѣчной, иначе это есть патріотизмъ!

Таковой то Патріотизмъ имѣлъ въ
душѣ своей одинъ изъ гражданъ Ниж-
няго-Новгорода—имя его Миинъ.

Вѣсть о взятіи Поляками первопре-
стольнаго града Москвы, къ коей онъ
питалъ священное благоговѣніе, пот-
рясло душу его. Пожаръ патріотиз-
ма со всей яростію вспыхнулъ въ ду-
шѣ гражданина Нижегородскаго. Онъ
собираетъ почетныхъ гражданъ своихъ,
представляетъ имъ картину ужаса ро-
дины; по временамъ рыданія и слезы
заглушали слова его; но граждане Ни-
жегородскіе поняли слова своего па-
тріота. Мщеніе запылало въ сердцахъ
ихъ и они одушевились безпримѣрною
ревностію пожертвовать всѣмъ, что
каждый имѣлъ у себя для собранія и
прокормленія войска, чтобъ исторгнуть
силою свое отечество и наказать извер-
говъ за право нарушенія собственно-

сти и дерское самовольство. Такъ и сдѣлалось.

Но тутъ еще у нихъ залегла тяжкая дума на душу: кто будетъ военачальникомъ надъ войскомъ? А это дѣло требовало самоотверженія, опытности и ума. И тутъ Мининъ напомнилъ имъ, что онъ знаетъ одного изъ почтеннѣйшихъ Князей земли Русскія—это былъ Князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій, живущій не далеко отъ Костромы, въ своемъ помѣстьѣ. Депутація подъ начальствомъ Минина, рѣшилась отправиться къ Князю съ прошеніемъ отъ лица земли Русскія, занять мѣсто военачальника и спасителя отечества.

Свѣтло дня еще не выкатывалось изъ за горизонта, какъ десять троекъ неслись далеко уже отъ Нижняго по Костромской дорогѣ, снѣгъ, визжалъ подъ подрезами саней; лошади храпѣли и били снѣгъ, который брызгами летѣлъ въ разныя стороны.

Было одиннадцать часовъ вечера. Изъ терема Князя Пожарскаго, изъ оконъ его опочивальни свѣтлѣлся томный огонекъ. Здѣсь при свѣтѣ лампадъ, предъ святыми иконами, лежалъ на постелѣ подъ богатыми шелковыми занавѣсками Князь Пожарскій, удручаемый болѣзнію. Въ изголовьяхъ сидѣла его прелестная и нѣжная супруга Анастасія: она съ робостію глядѣла въ глаза своему мужу; замѣчала малѣйшія его движенія, и по временамъ катились по алымъ нѣжнымъ щечкамъ ея перловыя слезы... да, она любила страстно своего супруга. Въ ногахъ ложа княжескаго занималъ мѣсто, сидя на бархатномъ табуретѣ его домовый докторъ, природной Нѣмецъ, съ солидной и вмѣстѣ мрачной фізіономіей; онъ былъ погруженъ въ какую то думу. Поодаль, противъ постели Князя занималъ кресла почтенныхъ лѣтъ бояринъ Громыня, который отъ нечего дѣлать, часто находилъ удо-

вольствіе въ веществѣ, заключенномъ въ золотой табакеркѣ, осыпанной камнями.

Все безмолвствовало, и мечты имѣли полную свободу окрилять головы присутствующихъ. Одинъ лишь секундный бой часовъ пользовался правомъ нарушать тишину эту. Наконецъ князь, немного приподнялся съ изголовья, и подалъ знакъ Анастасіи подать ему питье. Анастасія не замѣдлала исполнить приказаніе своего друга, и тотчасъ поднесла ему въ золотой стопкѣ питье, въ которое докторъ влилъ нѣсколько какихъ-то капель.

— Да, Францъ Карловичъ, какъ бы я былъ тобою обязанъ, еслибъ, ты меня скорѣе поднималъ съ этаго скучнаго одра; право онъ мнѣ въ продолженіи шестинедѣльнаго лежанья очень наскучилъ, сказалъ Князь доктору, вышивъ стопку.

— Богъ милостивъ, Князь; надѣюсь, что скоро все пройдетъ, и ты будешь соколомъ летать, отвѣчалъ улыбнувшись съ увѣренностію докторъ.

— Да, да, продолжалъ Князь; а мнѣ какъ бы нужно было въ теперешнее время полетать и соколомъ и ястребомъ, чтобъ истребить залетныхъ птицъ, не правда ли бояринъ? Прибавилъ Князь оборотаясь къ Громынѣ.

— Правда твоя, Князь, давнобъ намъ пора опомниться, да видно Богу такъ угодно видишь какъ по то стало и ты прихворалъ, да и не слишкомъ то скоро оправляешься....

Князь, какъ будто не разслушавъ словъ боярина продолжалъ: да, я показывалъ ли тебѣ письмо послѣднее изъ Москвы отъ Королевича Владислава?

— Не слыхалъ, Князь, а желалъ бы послушать, что пишетъ къ тебѣ этотъ льстець, злобно улыбнувшись сказалъ бояринъ.

— Милый другъ мой, Анастасія, подай мнѣ вонъ тотъ ларчикъ, сказалъ Князь оборотясь къ своей супругѣ и указывая на письменный столикъ.

Анастасія исполнила просьбу своего супруга, и ларець былъ уже въ рукахъ у Князя.

— Вотъ письмо Владиславлево, сказалъ Князь, подавая его боярину Громынѣ. Прочти-ка его.

Бояринъ взялъ письмо изъ рукъ Князя Пожарскаго и началъ читать вслухъ:

«Достойнѣйшій и почтеннѣйшій Князь Дмитрій Михайловичъ!

Душевно сожалѣя о потерѣ твоего здоровья, я не утерпѣлъ, чтобъ не написать къ тебѣ. Положеніе твоего отечества, а можетъ быть и моего, день отодня становится хуже. Безначаліе и грабежь усиливаются; бояре Московскіе не могутъ

уже болѣе унять ихъ, и верховный совѣтъ погруженъ въ думу, что предпринять въ этомъ случаѣ. Прискорбно сердцу Русскому безъ законнаго наследника, и теперь только зависитъ отъ тебя, мой доброй князь, рѣшить участь земли Русской. Подумай, каково безъ правителя государство?... Жребій верховнаго совѣта палъ на меня, хотябъ я этого и не желалъ... но впрочемъ любя землю Русскую, я хотя и соглашаюсь но еще не совсѣмъ, — жду только отъ тебя согласія; ждутъ и бояре и верховный совѣтъ; только не замѣди, князь, отвѣтомъ. Когда буду царемъ Русскимъ не забуду твоей любви, которой только и ишу и прошу. Но Іезусъ Марія, подкрѣпи меня только на престолѣ Русскомъ».

«Прости мой добрый и почтенный князь, я стану ждать отъ тебя скорого отвѣта съ поздравленіемъ меня....»

«На всегда преданный тебѣ
«Королевичъ Владиславъ»

«Москва;»

«1612-го года Октября въ 18-й день»

— Можно же его поздравить теперь Государемъ земли Русскія, улыбившись горько, проговорилъ бояринъ Громыня, свертывая письмо.

— Я его поздравлю сладкими и вкусными черными орѣшками, иронически улыбаясь проговорилъ князь; эй, соколь, не на свое мѣсто хочешь сѣсть; нѣтъ знайка свое мѣсто, а за чужое не берись. Охъ, болѣзнь меня только сокрушила, а то....

Вдругъ послышался сильной шумъ и звонъ колоколовъ на улицѣ. Князь не договорилъ словъ, какъ скоро вошелъ въ опочивальню его приближенный витязь, докладывая: о прибытіи изъ Нижняго Новгорода депутаціи отъ отечества. Князь вздрогнулъ и холодный

потъ обдалъ все чело его—сердце сильно забилося; князь молчалъ, и только мановеніемъ руки далъ знакъ, чтобъ они вошли. Князь привсталъ, отворились двери опочивальни его, и Мининъ съ гражданами нижняго Новгорода предсталъ предъ Пожарскимъ.

— Прости нашей дерзости, что мы осмѣлились предстать предъ свѣтлое лице твое; на голосъ отечества мы собрались къ тебѣ — къ тебѣ, да будешь ты нашимъ руководителемъ и помощникомъ въ дѣлѣ спасенія течества отъ злыхъ Ляховъ. Москва взята и страждетъ и гибнетъ отъ своеволія Польскаго. И можетъ ли сердце Русское вынести такой тяжкой ударъ сердцу? Или мы не Русскіе? или не кинитъ и не льется въ жилахъ нашихъ кровь дѣдовъ и прадедовъ нашихъ?... Князь, рыдая говорилъ Мининъ, будь спасителемъ нашимъ, спасителемъ отечества — утвиши эту грозную и гибельную бурю; тебѣ войтитъ

само отечество, и мы представители его! Все что не имѣемъ, все отдаемъ на защиту нашей любезной отчизны... жертвуемъ женами и дѣтьми нашими и жизнью, - будь вождемъ нашимъ, самъ Богъ избираетъ тебя не отрекись отъ дѣла спасенія; дай руку, пойдёмъ, — защитимъ и побѣдимъ!

Мининъ взялъ за руку князя Пожарскаго, и онъ какъ будто вострепнулся, и чудеса провидѣнія, неслыханнаго о землѣ Русской воскресили Пожарскаго отъ тяжкаго недуга, и онъ твердый и бодрый богатырь Русскій сталъ по прежнему. Сердце его закипѣло мщеніемъ на враговъ отечества, и Пожарскій надѣваетъ на себя стальную броню и шлемъ, опоясывается мечемъ.... слезы льются изъ огненныхъ глазъ его; онъ прощается съ подругою жизни своей, съ милою Анастасією, которая повисла на шею героя — побѣдоносца. Она вѣжными розовыми устами впиалась въ геройскія уста

Пожарскаго,—и эти пламенные поцѣлуи, заключили собою разлуку нѣжно любящихся супруговъ.

Да, кто любилъ въ первые въ жизни, въ этихъ розовыхъ лѣтахъ своей юности, тотъ только можетъ яркими красками воображенія абрисовать картину разлуки съ милой сердцу, съ идеаломъ души, которая есть тоже блаженство, тоже счастье данное отъ творца и зиждителя для облегченія участи страдальческой жизни... Но могли ли перомъ выразить это непостижимо — великое чувство? Могли ли описать его жгучую, подобно вулкану kloкочущую силу души? О, нѣтъ, я бросаю перо, которымъ пишу это плачевное и важное событіе нашего отечества, и оставляю на произволь *того*, кто понимаетъ это безотчетное чувство!...

Ретивой конь ржалъ, и копытами рылъ снѣгъ — онъ какъ будто дышалъ мщеніемъ на враговъ отечества. Стремян-

ный княжескій держаль за узды его, подводя къ крыльцу; и на него то взлетѣлъ герой нашъ.

Онъ еще разъ обнялъ Анастасію, напечатлѣлъ огненный, прощальный поцѣлуй на алыхъ щекахъ ея — ударилъ стремениемъ, и борзой конь помчалъ героя — Пожарскаго на славу и спасеніе отечества! И Анастасія долго провожала взорами своего милаго друга. Молитва къ Спасителю дрожала на устахъ ея... Десять троекъ помчались вслѣдъ за Пожарскимъ.

— Москва! не унывай, спаситель избавишь тебя отъ ига варварскаго — онъ не далекъ отъ тебя!

— Что такое зовутъ счастіемъ царя? То ли это счастье, чтобъ быть богатымъ и сильнымъ? А кто же даетъ это богатство и силу? Я постигаю теперь

эти важные факты — это любовь народа къ царю и царя къ народу; не такъ ли Юрій? Такъ говорилъ королевичъ Владиславъ своему любимцу губернатору Сендомирскому Юрію Мнишкѣ, расхаживаясь мѣрными шагами по пріемной комнатѣ кремлевскаго дворца.

— Правда твоя, Государь; любовь народная выше и дороже всѣхъ драгоценностей, и счастливъ тотъ Государь, который снискалъ ее у народа, отвѣчалъ Юрій Мнишка.

— Да, Юрій, я согласенъ съ тобою, то по этому могу ли я надѣяться получить корону Царства Русскаго? Русскіе привыкли изстари чтить и любить своихъ Царей; а я не Русской крови, и очень легко можетъ статься что не захотятъ имѣть меня своимъ Царемъ; но что мнѣ за дѣло до ихъ воли — Московскіе бояре уже согласны избрать меня своимъ Государемъ, и

одно только, какъ бельмо на глазѣ этотъ князь Пожарскій...

— Пожарскій, Государь, изумившись сказалъ Юрій; я знаю его давно и сердце и характеръ — словомъ, всё его склонности.... — да, онъ вѣрный патриотъ и слуга Царству Русскому....

— Замолчи Юрій! я не боюсь Пожарскаго; мнѣ нужна сила—и найду ее у отца моего.... понимаешь? Гонецъ еще вчера посланъ въ Варшаву о присылкѣ сорокатысячнаго корпуса. Тогда посмотрю какъ потягнется со мною этотъ по словамъ твоимъ патриотъ.... Буде не такъ—я силою возьму корону Царства Русскаго, и тогда Пожарскій князь страшнѣе моего мщевія....

Владиславъ замолчалъ, и будто погруженный въ думу, а любимецъ его, сидя въ креслахъ, потиралъ лобъ свой.

— Да кстатъ мнѣ пришло на память, какъ будто очнувшись отъ дремоты

сказалъ королевичъ: не знаешь ли ты Юрій, говорятъ съ достовѣрностію, что есть законный наследникъ на Царство Русское, и кто же бы ты думаль? Бояринъ Романовъ, сынъ того Романа, котораго отецъ мой вмѣстѣ съ патриархомъ Русскимъ Гермогеномъ томить уже нѣсколько мѣсяцевъ въ темницѣ, и насильно заставилъ его принять постриженіе въ иноческій санъ. И вотъ теперь для меня важная препона въ его сынъ Михаилъ Романовъ.... Слушай Юрій, я хочу прибѣгнуть къ рѣшительному средству; корона Царства Русскаго слѣпнеть глаза мои, и я хочу.... погубить Михаила Романова; ты же помоги мнѣ, я надѣюсь на тебя: узнай повѣрѣе, гдѣ живетъ Романовъ я слышалъ не давно, что его скрываютъ отъ ушей и глазъ моихъ. Слышишь поразвѣдай. Юрій, и завтра дай мнѣ знать; надѣйся крѣпко, я не забуду твоей важной для меня услуги—прощай до зав-

тра, у меня есть нужныя письма, спѣшу читать ихъ.

И сказавъ эти слова, королевичъ скоро удалился изъ пріемной комнаты кремлевскаго дворца, оставя Юрія Мнишку въ нерѣшительномъ положеніи.

— Не за будешь услугу, проворчалъ тихо Юрій, вставая съ кресель, я этому вѣрю, да трудно отыскать эту еще не оперившуюся птичку. Изволь пожалуй какова коммисія! Гдѣ мнѣ искать? мнѣ и безъ его порученій грустно и тяжело на сердцѣ... Я обмануть, обезчещенъ, лишенъ моей дочери Марины; и все чрезъ кого же?... О Іезусъ Маріа! продолжалъ Юрій, чрезъ отшельника, бѣглеца, самозванца, разбойника; вотъ и въ правду сказать, какъ говаривали наши старики: *Съдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро*, такъ и я на старости лѣтъ взбѣсился; повѣрилъ словамъ оболъстительнымъ.

Онъ не договорилъ остальнаго, сзади его послышался скрипъ двери — Юрій обернулся и Людвигъ, секретарь королевича стоялъ предъ нимъ.

— Ба, Пане Хорвицкій, что новаго... какъ наши дѣла? ... оторопѣвши въ несвязныхъ словахъ говорилъ Юрій Мишика. Королевичъ занятъ, теперь ему не время — до завтра...

— Юрій Адольфовичъ, дѣло важное, нужно видить теперь же королевича для его счастья и блага, отвѣчалъ Павъ Хорвицкій. Неожиданный случай доставилъ мнѣ узнать, гдѣ живетъ наследникъ Царства Русе...

— Романовъ! въ восторгъ вскричалъ Юрій, не давъ договорить словъ Хорвицкому. Любезный другъ, мы сей часъ только что говорили объ этомъ съ королевичемъ, и онъ меня просилъ развѣдать объ этомъ, и завтра донести; по этому то я былъ погруженъ въ без-

вѣстную думу. Она мучила меня, и вотъ какое неожиданное счастье; о Пане Хорвицкій, какую-же радость доставилъ ты мнѣ, обнимая его говорилъ Юрій.

— Да, Юрій Адольфовичъ, само счастье, кажется хочетъ благопріятствовать нашему королевичу. Случай неожиданный столкнулъ меня вчера съ однимъ Русскимъ крестьяниномъ — онъ передается душою и сердцемъ королевичу, и хочетъ теперь-же видѣть его и объявить о мѣстѣ, гдѣ живетъ Михаилъ Романовъ, онъ теперь здѣсь во дворцѣ и я привелъ его....

— Онъ здѣсь, сказалъ въ восторгѣ Юрій Мнишка, — погоди-же минуту здѣсь, Пане Хорвицкій, а я пойду объявлено объ этой счастливой находкѣ королевича, не смотря на то, что хотя онъ и занятъ....

Юрій вышелъ, а секретарь между прочимъ сталъ расхаживаться по комнатѣ.

— Государь, чего желалъ ты, то и исполняется вскорѣ. Такъ говорилъ Юрій Мишка, взойдя въ кабинетъ королевича Владислава. Русской крестьянинъ, преданный тебѣ душою, хочетъ видѣться съ тобою и объявить мѣсто жительства Михаила Романова...

— Ты смущаешь меня Юрій... ты помѣшалъ мнѣ.... Что такое сказалъ ты о *Романовъ* — я не понялъ тебя.... оторопѣвши проговорилъ королевичъ Владиславъ, вставая съ кресель.

— Ты не понялъ меня, Государь, снова сказалъ важнымъ голосомъ Юрій; такъ знай-же теперь; о чемъ меня просилъ, то исполнилось — сей часъ пришелъ твой секретарь панъ Хорвицкій съ докладомъ о мѣстѣ пребыванія того, котораго ты считаешь себѣ соперникомъ — это бояринъ Романовъ; объ немъ то и дѣло. Молодой крестьянинъ Русской, скажетъ объ этомъ лучше.

— Ты шутишь Юрій, или это правда? сказалъ нетерпѣливо королевичъ. Позови ко мнѣ секретаря, прибавилъ онъ повелительнымъ голосомъ.

Юрій вышелъ изъ кабинета королевича, и отворивъ дверь приѣмной комнаты, далъ знакъ Хорвицкому мановеніемъ руки, чтобъ онъ слѣдовалъ за нимъ, и онъ не мѣдя пошелъ. Пройдя нѣсколько богатоубранныхъ комнатъ, они вошли въ кабинетъ королевича.

— Правда-ли то, что я слышалъ отъ него? такъ сказалъ королевичъ, указывая на Юрія Миницку. Скажи мнѣ, я сомнѣваюсь, не шпионъ-ли переодѣтый въ крестьянское рублищѣ и присланный можетъ быть отъ Пожарскаго — ты вѣрно-ли знаешь его Хорвицкій?

— Государь, кому-же знать вѣрнѣе, какъ не мнѣ, и кто могъ быть счастливъ къ услугѣ моего государя и благодѣтеля, какъ не я; торжествующимъ тономъ проговорилъ панъ Хорвицкій.

— А гдѣ жъ этотъ крестьянинъ, возразилъ королевичъ, я хочу видѣть его и самъ говорить съ нимъ.

— Если повелите, Государь, то теперь же предстанетъ предъ свѣтлое лице ваше — онъ дожидается меня въ переднихъ комнатахъ дворца, отвѣчалъ съ низкимъ поклономъ секретарь его панъ Хорвицкій. Государь! прибавилъ онъ, кому же стараться болѣе какъ не мнѣ; вѣдь голодъ не даетъ покою, и тысячи моихъ собратій гибнутъ безъ дневнаго пропитанія; да уже и Русскихъ крысъ и мышей не достаточно стало къ пропитанію; хотя много у насъ и злотыхъ, да хлѣба нѣтъ; а поди по селамъ, да тронь хоть загорѣлую Русскую корку, такъ Русская дубина лихо походитъ на нашей спинкѣ, да и голову разшибетъ на черепочки.... Государь, вѣдь Русскіе шутить не любятъ, а не то....

— А не то, топнувъ ногою закричалъ королевичъ — убирайся скорѣе вонъ, пока цѣль, и пока я не размозжилъ твою глупую башку, прежде Русской дубины; я вижу ты заврался — лучше дѣлайка свое дѣло и приведи ко мнѣ этаго крестьянина, — ну же, живей!

— Слушаю, Государь, виновать, простите моеѣ откровенности, робко и почти сквозь зубы проговорилъ панъ Хорвицкій, и поспѣшно вышелъ изъ кабинета королевича.

— Какъ бы ты подумалъ, Юрій, объ этомъ: слышать слова, какъ правдоподобныя, такъ и убійственныя для моего сердца? Я прежде не вѣрилъ этому; но моему секретарю, этому человѣку всегда бывало преданному мнѣ душею, я теперь повѣрю.... О, за чѣмъ онъ дерзнулъ мнѣ произнестъ эту горькую истину — мнѣ бы легче было на душѣ, когда-бъ я не зналъ эту гибель моихъ

подданныхъ; но скоро-ли, скоро-ли, настанеть эта желанная минута?... Тогдабъ и Поляки мои жили съ Русскими душа въ душу; тогдабъ все это кончилось и....

Дверь кабинета отворилась, и секретарь королевича, ввелъ съ собою молодого прекрасной наружности крестьянина; хотя рубище доказывало бѣдность, но на лицѣ его отражалась какая-то смертельная бѣдность — въ глазахъ горѣлъ огонь злобы; губы почти помертвѣлыя трепетали какую-то таинственную мысль, едва невырвавшуюся изъ предальческой души — невѣрнаго сына Отечеству своему....

Да, раскаяніе послѣ преступленія ужасно, и душа преступника дрожить подобно древесному листу взвѣваемому тихимъ вѣтеркомъ. Таково урекание совѣсти—это кара господня и сила его безвозмезднаго правосудія; — страшно

впасть въ руки эгаго судіи и подвергнуться его гнѣву!... Тяжко и тошно душѣ отдаляться отъ своего первообраза, а это отдаленіе, есть забытіе Бога, его закона — по этому преступленіе.

Въ такомъ-то положеніи былъ и этотъ молодой крестьянинъ Иванъ — это онъ былъ, о которомъ вы уже знаете, почтенные мои читатели и читательницы — это онъ, тотъ же егратный, и тотъ же по прежнему любящій милую дѣвушку Марію Сусавину.

При входѣ Ивана въ кабинетъ королевица Владислава, какая-то трепетная, жгучая дрожь обдала все тѣло его. Раскаяніе сильно потрясло душу его, онъ зашатался и скоро прислонился къ мраморному камину.

Свѣтлая, эта безотчетная, врожденная въ насъ мысль любви къ отечеству, ко всему родному, ярко блеснула въ душѣ его, и вдругъ снова скатилась въ безд-

ну злобы ожесточенной души, какъ въ прекрасный вечеръ катятся ясныя звѣзды по голубому небу, въ воздушной громадѣ!...

— Такъ это онъ; пристально взглянувъ на Ивана, сказалъ королевичъ. Ты Русской, мой любезный, или нѣтъ?

— Я, я Русской крови и вѣры — я ожесточенъ моею родиною, и теперь хочу прибѣгнуть къ твоимъ милостямъ, Государь; мщеніе и злоба—о, злоба ада воспламенила всю внутренность мою!... Да, Государь, я несчастенъ, и чрезъ это несчастіе, потерялъ весь патріотизмъ души моей; она страдаетъ и гибнетъ подъ ярмомъ тяжелой скорби; видно мнѣ не придется возвратить потери, и объ этомъ я прошу только твоей милости помочь мнѣ исторгнуть изъ рукъ чудовищъ мою милую. Государь, еслибъ ты зналъ какъ я люблю её... тогда-бъ ты повѣрилъ всѣмъ мученіямъ моего сердца.

Иванъ закрылъ лице руками; крупныя слезы текли по алымъ щекамъ его; да, онъ плакалъ, какъ плачетъ малютка о потери своей родимой!

Королевичъ Владиславъ смотрѣлъ на этаго несчастнаго, убитаго судьбой, съ сердечнымъ состраданіемъ; онъ подошелъ къ нему, взялъ его за руку и сказалъ:

— Молодой поселянинъ! мнѣ жаль тебя, что судьба, въ этихъ цвѣтущихъ, розовыхъ лѣтахъ юности, тебѣ не благопріятствуетъ; но объ этомъ поговоримъ послѣ, и клянусь тебѣ, что я составлю твое счастье, только съ тѣмъ условіемъ, когда ты объявишь мнѣ мѣсто, гдѣ живетъ Михаилъ Романовъ. Вотъ этотъ кошелекъ возьми себѣ, онъ тебѣ пригодится — въ немъ золота довольно; и королевичъ, вынувъ изъ камзола своего кошелекъ, отдалъ Ивану.

— Государь, мнѣ деньги ненужны, а нужно одно только мщеніе — мечь

и злоба не требуютъ золота, имъ нужна сила, которой я и прошу у тебя, говорилъ съ испуленною злобою Иванъ.

— Такъ ты знаешь, гдѣ живетъ Романовъ? спросилъ королевичъ у Ивана.

— Знаю, Государь, я самъ оттуда; онъ живетъ недалеко отъ Москвы. Кострому отъ сюда считаютъ съ небольшимъ 300 поприщъ; а ближе сюда есть городокъ Угличъ — мѣсто гдѣ свершилось преступленіе ужасное, о которомъ только судить Богъ, и которое легло на душу Годунова; вѣдаю, что ты знаешь, Государь, объ этомъ дѣлѣ.

Такъ вотъ, не далеко отъ Углича, есть богатое имѣніе боярина Романова; но онъ живетъ не здѣсь, а въ монастырѣ Ипатьевскомъ, находящемся очень близко отъ города Костромы. Этотъ монастырь древній и богатѣйшій; онъ построена около 300 лѣтъ отъ нашего времени, какъ я слыхалъ это отъ стариковъ, какимъ-то Татарскимъ кня-

земь по имени *Четомъ*. Онъ стоитъ на правомъ берегъ рѣки Волги, этой обширной въ нашемъ царствѣ рѣки — на горѣ, и въ немъ то живетъ и поживаетъ молодой бояринъ Михаилъ Федоровичъ Романовъ со своею родимою. Буде прикажешь такъ доведу, только не забудь моей просьбы....

— Благодарю тебя поселянникъ; ты оказалъ мнѣ такую услугу, которой я никогда не забуду, сказалъ королевичъ Владиславъ. Хорвицкій! выдай ему теперь-же изъ моей казны 200 червонныхъ, и отпратить завтрашней день съ нимъ двѣнадцать человекъ изъ моей гвардіи, подъ секретнымъ прикрытіемъ къ Ипатьевскому монастырю, а еще лучшебъ было нынѣшнею ночью какое приказаніе будетъ моимъ служивымъ, то уже, когда прозвучитъ на Спаской башнѣ двѣнадцать часовъ, чтобъ они были здѣсь въ дворецъ, со всею готовыми къ дорогѣ; а этаго удержи у се-

бя—ступайте; ты Хорвицкій исполняй свое дѣло безъ замедленія, за твою службу я награжу тебя.

Было уже девять часовъ вечера, какъ Иванъ, предатель своего отечества, вышелъ изъ палатъ кремлевскихъ вмѣстѣ съ паномъ Хорвицкимъ.

— Какое счастье, какая радость для меня... не правда ли, Юрій, такъ говорилъ Владиславъ, садясь въ кресла, по уходѣ предателя.

— Кому-же радоваться, какъ не тебѣ, Государь? Ты искалъ счастья, а счастье само гоняется за тобою, отвѣчала Юрій важнымъ тономъ. Видно тебѣ суждено быть на Престоля Русскомъ, и на тебя видно возложится корона царская.

— Этого-то и желала душа моя; когда не будетъ Романова, то безъ всякаго сомнѣнія Пожарскій не станетъ препятствовать моему вступленію, и не попркословить въ верховномъ совѣ-

тъ... Я это предугадываю, не правда ли Юрій?

— Согласенъ, Государь, отвѣчалъ Юрій такимъ-же тономъ; но вотъ еще въ чемъ дѣло, ты католикъ: но на престолѣ Русскомъ были кажется князья и цари Греческаго исповѣданія; то тутъ предвидится, какъ я думаю, затрудненіе къ избранію тебя, Государь; развѣ ты согласишься перемѣнить законъ нашъ...

— А что за бѣда, прервавъ слова Юрія, сказалъ Владиславъ. Если я буду и католикомъ на престолѣ Русскомъ, и мнѣ какое дѣло, если мои подданные будутъ неоднаковаго со мною закона?

— Нѣтъ, этаго невозможно и допустить по общимъ законоположеніямъ всѣхъ политическихъ державъ; нѣтъ, это несправедливо, Государь, отвѣчалъ Юрій Мнишка. Когда ты не согласишься принять вѣру Греко-Россійскую, то я начинаю сомнѣваться за тебя, Государь, въ избраніи...

Владиславъ не слыхалъ этихъ словъ, сказанныхъ Юріемъ; онъ погрузился въ какую то мрачную думу.

— Но впрочемъ, сказала королевичъ послѣ минутнаго размышленія, я тогда улажу какъ нибудь это дѣло; лишь-бы избавиться мнѣ отъ Романова: тогда я насильно заступлю его мѣсто.

— Это въ твоей волѣ, Государь; но Пожарскій... продолжалъ Юрій, говоря сквозь зубы.

— Что мнѣ до Пожарскаго; я его не слишкомъ опасуюсь — не ему тягаться со мной; я ему покажу тогда, какъ учать невѣждъ, буде онъ осмѣлится хотя слово пикнуть противъ меня въ Верховномъ Совѣтѣ, вспыльчиво говорилъ королевичъ.

— Одному противъ десятерыхъ трудно тягаться, Государь, а впрочемъ ты болѣе знаешь и имѣешь болѣе къ исполненію средствъ, говорилъ Юрій выходя.

— До свиданія, Государь, проговорилъ онъ, и отвѣся нѣсколько поклоновъ вышелъ.

Королевичъ попрежнему сѣлъ за письменный столикъ и началъ писать какія-то бумаги. Прошло нѣсколько времени — на Спасской башнѣ пробило двѣнадцать часовъ. Владиславъ тотчасъ всталъ и началъ молча расхаживаться по кабинету. Вдругъ скрипнула дверь — Владиславъ вздрогнулъ — какой-то холодъ пробѣжалъ по всему его тѣлу; онъ устремилъ недовѣрчивый взоръ на дверь: квадратная малинковая фигура, съ блестящими глазами показала въ ней — это былъ секретарь Владислава Панъ Хорвицкій.

— Я въ точности исполнилъ Государь Ваше приказаніе, сказалъ, вытянувшись въ прямъ, хриповатымъ голосомъ Панъ Хорвицкій.

— Они здѣсь?... дрожащимъ голосомъ проговорилъ Владиславъ.

— Здѣсь Государь, и ожидаютъ твоего повелѣнія, отвѣчалъ Панъ Хорвицкій.

— Хорошо; скажи, чтобъ безъ всякаго шума вошли въ пріемную; я сейчасъ выду къ нимъ.

— Слушаю, Государь, низко поклонившись проговорилъ Хорвицкій, и скоро пошелъ къ двери; но къ несчастію сдѣлалъ неправильный шагъ, и толстая нога его зацѣпилась за решетку камня, и нашъ Панъ, потерявъ равновѣсіе, растянулся по паркету, придясь лбомъ объ конецъ полурастворенной двери.

Оханье и стоны заставили оборотиться королевича, которому представилось зрѣлище преинтересное: его секретарь лежалъ на полу, издавая жалобные стоны, а правой рукой потиралъ себѣ лобъ.

Королевичъ, какъ небылъ мраченъ, но, видя критическое положеніе своего секретаря — расхохотался.

— Ну Панъ Хорвицкій, звать не быть толку, видишь ли какое начало; ха, ха, ха: смѣясь говорилъ Королевичь,

— Да, Государь, Вамъ хорошо смѣяться надомной, а мнѣ право не до смѣху. Проклятая решетка вотъ эта нашутила надомной, и я лихо поцѣловаль лбомъ дверь—чтобъ ей пропасть пропадомъ — теперь такъ и трещить голова отъ ея чертовскаго поцѣлуя, вставая съ паркета мычалъ Панъ Хорвицкій, и кой—какъ вывалился изъ кабинета Королевича, который помпралъ со смѣху надъ бѣднымъ паномъ.

По уходѣ Хорвицкаго, Владиславъ подошелъ къ шкатулкѣ, тронулъ пружину, и она раскрылась — онъ вынулъ изъ ней кинжалъ, помазалъ изъ склянки ядомъ, и тотчасъ опустилъ въ ножны. Закрывъ шкатулку, спрятавъ кинжалъ подъ камзолъ и скоро вышелъ

изъ кабинета въ приемную комнату; здѣсь дожидалась его отчаянная ватага — Иванъ стоялъ поодаль; взоръ его былъ дикъ, онъ безпрестанно озирался.

Таковъ страхъ совѣсти у преступниковъ закона отечественнаго! Вошелъ Королевичъ — и всеъ приняли видъ почтенія и уваженія.

— Ну, ребята, я знаю вашу храбрость и неустрашимость, такъ началъ королевичъ, оборотясь къ стоявшимъ въ строю Польскимъ гвардейцамъ — послужите миѣ, я не забуду васъ. Вотъ этотъ молодецъ покажетъ вамъ дорогу, куда нужно теперь идти вамъ; и вы должны исполнить свое дѣло, — умертвить по волѣ моей живущаго въ монастырѣ Ипатьевскомъ боярина Михайла Романова, и его мать... Въ монастырѣ же и палатахъ Романова, вы все найдете для себя нужное: и пищу и злато, и разныя драгоценности. Окончивъ это дѣло, сожгите до основанія

Ипатьевской монастырь и близъ его лежащее село Ипатьево; только сперва побывайте въ гостяхъ у тамошняго крестьянина Ивана Сусанина и силою исторгните изъ рукъ его внуку, по имени Марію, и отдайте ее вотъ вашему путеводителю—она его невѣста его милая. Эту тайну я ввѣряю вамъ въ полной надеждѣ сохранить ее свято. Вотъ орудіе, продолжалъ королевичъ, вынувъ изъ подъ камзола кинжалъ, и отдалъ его одному изъ гвардейцевъ по имени Эгмонду, отлетному удалцу. Оно напитано ядомъ; и ты Эгмондъ, мой храбрый слуга, или кто первый успѣетъ изъ васъ, напитайте его кровію Михаила и его матери, а въ добавокъ еще смѣшайте съ кровію этаго старика Сусанина. Въ Ипатьевскій монастырь, безъ незнающаго тайныхъ входовъ, пройти невозможно — и вотъ преданный мнѣ, этотъ молодой крестьянинъ, проведетъ васъ, только не робѣйте, ребята, и

крѣпко положитесь на него. Вашу услугу я некогда не забуду — это вы сдѣлаете для блага вашего Государя и васъ самихъ....

Королевичъ смолкъ, и восторженные привѣтомъ своего Государя воины Польскіе, дали смертную клятву, въ нужномъ случаѣ, даже не щадить своей жизни, и исполнить, во что бы то не стало, злодѣйское намѣреніе изверга, чужеземнаго пришлеца.

— Ну, теперь идите на дѣло, прибавилъ Королевичъ, вынувъ кошелекъ изъ кармана — вотъ вамъ на дорогу.... онъ бросилъ кошелекъ, и — звонъ золота заглушилъ ихъ совѣсть.

Ударилъ часъ полуночи на Спаскихъ воротахъ, и гулъ его разнесся по тишинѣ полуночной!

Они вышли поспѣшно изъ дворца, направивъ путь на Костромскую доро-

гу — измѣнникъ Иванъ указывалъ путь для гибели своего отечества!...

По выходѣ этихъ злодѣевъ королевичъ легъ въ постель, и мечты о гибели Романова и объ избраніи его на царство Русское не давали ему наслаждаться сладостнымъ сномъ.

И можетъ ли злодѣйская душа имѣть покой? Безпечный и тихій сонъ услаждаетъ только души непорочныхъ и добрыхъ!

Была ночь бурная, осенняя. Дождь и снѣгъ смѣшивались дружно между собой и щедро летѣли съ мрачнаго неба. За пять верстъ отъ страждущей столицы Русской, тянулись длинными рядами волны Русскіе, и спустя часть времени они расположились на бивуакахъ близъ Москвы и развели огни.

Князь Пожарской распоряджалъ войскомъ защитниковъ угнетеннаго отечества отъ ига иноплеменнаго, и устроив-

ши все, онъ, измокшій и прозябшій, вошелъ въ палатку, приготовленную для князей и бояръ.

— Ужь дался же намъ этотъ походъ, сказалъ Князь Пожарскій, входя въ палатку и снимая свой шлемъ и измокшій плащъ. Что за погода давно не запомню такой — мой конь не разъ спотыкался отъ такой теми и гололедицы, я измокъ почти до костей.

— Правда твоя, Князь, ужъ и мнѣ досталось потерпѣть отъ этаго невзгодья, проговорилъ Князь Стародубскій, усаживаясь на скамью возлѣ пылавшаго огня. Какъ бы не худо было намъ, теперь, напиться теплаго збитьяню; хоть бы немного посогрѣться, а то право меня дрожь сподымя колотить — вотъ такъ осенняя погодушка!

— Нѣтъ Радіонъ Петровичъ, ты видно еще не вѣдаешь, чѣмъ лечиться отъ стужи, сказалъ Князь Бѣлозерскій, вы-

нимая изъ за пазухи препорядочную
Флягу съ зеленымъ виномъ. Вотъ это
лучше поможетъ твоего горячаго збитъ-
ня.

— Bravo, и то дѣло, сказали смѣясь
нѣсколько изъ Князей и бояръ, и каж-
дый осушилъ по порядочной чаркѣ
жгучаго напитка.

Дверь палатки растворилась—вошелъ
Мининъ, а за нимъ нѣсколько человекъ
войновъ; они несли съ собою разные
съѣстные припасы.

— Предлагаемое да ѣдимъ, сказалъ
Мининъ. Врагамъ, товарищи на зависть,
а намъ на доброе здоровье, — не такъ-ли
Димитрій Михайловичъ? Пословица у насъ
ведется на Руси: не унывай, да и себя
не забывай.

— Хорошая рѣчь твоя, Косьма, а меня
что—то раздумье беретъ; вѣдь Москва
заперта, и проклятые ляхи не отворятъ
намъ добровольно воротъ, придется съ

ними пощелкаться не _нашутку, говорилъ, сидя на скамьѣ Князь Пожарскій, опершись на палашъ.

— Вотъ о чемъ дѣло, князь, говорилъ Мининъ, усаживаясь также на скамью, возлѣ Князя Пожарскаго. Полно-ка думать; утро, говорятъ, мудренѣе вечера. Теперь поъемъ, поѣдимъ, а на утро какъ и встрепанные соколы — не правда ли бояринъ? оборотятся къ сидѣвшему противъ него боярину Колычеву, говорилъ Мининъ.

— Правда, правда, Косьма Васильевичъ, не потачь; теперь поъемъ поѣдимъ, а на завтра на званой пирь....

— Иль вправду, друзья, вы на званой пирь пришли? а не знаете того, что черныя воронья глядятъ на насъ со стѣнъ городскихъ и готовы каркнуть на насъ.... проговорилъ томо Князь Пожарскій.

— Да, друзья — товарищи, можетъ быть намъ дорого придется расплачиваться за этотъ пиръ...

— Что Богъ дастъ, а мы выручимъ нашу матушку Москву, бѣлокаменную, сказалъ Мининъ, изъ рукъ своевольныхъ нашихъ мучителей; нѣтъ не пировать же имъ больше на нашей родинѣ; мы поучимъ ихъ Русскими саблями и копьями; они узнаютъ какъ дорога намъ отчизна, и этотъ священный градъ — градъ, на которой каждый Русской взираетъ съ благоговеніемъ. Москва и такъ немало потерпѣла отъ Татаръ и Литвы, немало обогрѣлась кровію вѣрныхъ сыновъ ея, и этотъ Святой кремль, это мѣсто столь священное для всякаго Русскаго, былъ свидѣтелемъ этихъ ужасныхъ, варварскихъ зрѣлищъ; а теперь что стало съ нимъ? заустѣніе и своеволие обладаютъ имъ; нѣтъ мы кровію нашею иску-

нимъ и Москву, и кремль, и Россію — наше любезное отечество!

Такъ говорилъ Мининъ, и слезы лились изъ очей старца—патріота, убѣленного съдинами. Да, онъ плакалъ, какъ вѣрный и нѣжный сынъ о гибели своей матери — земли Русской!

Вождь войска Русскаго, отдавъ приказъ по рядамъ сподвижниковъ и защитниковъ отечества, предался сну; но нѣтъ, онъ не могъ сомкнуть глазъ; сонъ бѣжалъ отъ него: онъ думалъ и составлялъ въ геройской головѣ своей планы, какъ-бы лучше и удачнѣе начать дѣло спасенія; безъ малаго урона своихъ соотечественниковъ, и даже, если можно, обойтись безъ кровопролитія. Такъ Князь Пожарскій щадилъ кровь своихъ собратій — своихъ родныхъ!

Едва зарумянилась заря на восточной сторонѣ небосклона, и осенній сумракъ начиналъ рѣдѣть и просвѣчи-

ваться дневнымъ ефиромъ—войско Русское уже стояло въ боевомъ порядкѣ, и Князь Пожарскій уже разъѣзжалъ на ворономъ конѣ. Свѣтло дня выкатилось изъ загоризонта, и передовые были посланы къ столицѣ Москвѣ, съ извѣстіемъ о прибытіи войска Русскаго подъ ея стѣны; а въ случаѣ сопротивленія королевича Владислава, будутъ приняты рѣшительныя мѣры и Русскія не пожалѣютъ стѣнъ прадѣдовскихъ и разгромоздятъ ихъ въ груды камней.

Эта вѣсть была громовой вѣстію Польскому королевичу; онъ бѣсился и не зналъ что дѣлать. Верховный Совѣтъ, хотя и былъ въ рукахъ его; но какъ городъ былъ осажденный, то ничто не могло служить для пользы Владислава. Ему донесли, что князь Пожарскій главноначальствующимъ надъ войскомъ Русскимъ, требуетъ, чтобъ Владиславъ оставилъ Москву и немедля отправился въ Польшу. Местъ злобы за-

пылала въ душѣ Владислава, и онъ, ожесточенный на Пожарскаго, повелѣлъ съ городскихъ стѣнъ, съ которыхъ грозно выглядывали пушки, открыть смѣлый огонь. Теперь—то завязалась битва не хуже Задонской! Патриотизмъ вспыхнулъ въ сердцахъ ихъ и они полетѣли, какъ львы, на защиту и свободу отечества. Пули, картечи и ядра не утрашили грудь Русскую; да, она горѣла безпримѣрною любовію къ отечеству, они помчались на побѣду и смерть! Завыла буря Русскихъ пушекъ — Богъ и свобода! завопили тысячи голосовъ и неслышно стало ихъ взыва отъ шума ядеръ и картечь!...

Давнымъ давно смерклося, и въ домѣ крестьянина Ивана Сусанина, зажиточнаго Русскаго селянина села Ипатьева, свѣтлѣлись огни изъ оконъ. Это былъ дѣвятишникъ его любезной внучки Маріи. Гурьба народа окружала домъ его. На-

добно правду сказать, старикъ веселился не по лѣтамъ: онъ, то пѣлъ пѣсни съ красными дѣвицами, то игралъ и кружился; да, ему радостно было на сердцѣ. А что же сердце? скажите, друзья мои; кто можетъ выразить эту безотчетную, эту безпредѣльную любовь къ близкимъ сердцу—это какое-то чувство не земное; и кто выразить словами этотъ непостижимый огонь, которой сжеть душу нашу?... такъ любилъ старикъ Сусанинъ свою внуку!

— Не знаю какъ мнѣ благодарить Бога за эту милость, за это счастье, говорилъ купецъ Рисуновъ, цѣлуя Марію свою невѣсту. Да, завтра, Марія, мы уже на вѣки соединимся.... за чѣмъ же грустить и плакать; я чрезъ сутки буду твоимъ супругомъ.... Марія! я понимаю твою грусть; но долгъ супружеской, да и самая наша религія, повѣлываютъ тебѣ забыть того, кого из-

брало противузаконно твое сердце.... ты понимаешь меня Марія?

Марія молчала и крупныя слезы лились изъ очей ея, и тяжкіе протяжные вздохи по временамъ вырывались изъ нѣжной, млечной груди ея.

— Василій Савичъ, будетъ ли тебѣ любезничать съ твоей голубкою сизокрылою? такъ говорилъ старикъ Сусанинъ, подходя къ новобрачущейся четѣ; иль не намилуешься и не нацѣлуешься послѣ. Время много, а жизнь ваша молода и зелена, какъ былиночка, едва выскочившая, едва показавшая свой зелень листъ; а вы что вздумали голубиться съ позаранковъ; нуте-ка, пойдѣте на наше весельѣ. Вѣдь Марія-то, дорога мнѣ, голубка моя ненаглядная.

И старикъ Сусанинъ, взявъ за руку свою любезную внучку Марію и ея суженаго, повелъ съ собою.

— Неправда-ли, боярыня-матушка, хороши хоть куда, какъ будто нарочно родились другъ для друга, вѣдь трудно подобрать голубя къ голубкѣ, а молодца къ красной дѣвицѣ и подавно. Не такъ-ли моя родимая, говорилъ Сусанинъ, подводя Марію и ея жениха къ боярыни Романовой.

— Счастливъ старикъ, умѣлъ же ты выбрать добраго молодца, своей ненаглядной внучкѣ, сказала Романова; хорошъ дѣтинка, хоть куда.

Марія и женихъ ея сѣли возлѣ Романовой; пѣсни, гудки и свирѣли не преставали во весь вечеръ наигрывать національныя, Русскія пѣсни; а красныя дѣвицы, въ свою очередь, хвалили и хулили жениха и невѣсту, а равно и молодцевъ, ожидая себѣ за это награды. Серебряныя монеты сыпались безъ счету имъ въ стопку, которую подносила каждому гостю усердная сваха.

Почти до полуночи продолжались пѣсни и игры; но вотъ боярыня Романова встала, и дала знать сыну своему о времени отъѣзда, и скоро съ нимъ отправилась, давъ честное слово старику, доброму Сусанину, быть на свадьбѣ у его внучкѣ. Въ слѣдъ за ней также начали разъѣзжаться гости. Марія же пошла въ свѣтлицу свою. Все стихло, все смолкло—наступила полночь.

Вдругъ послышался сильной стукъ у воротъ дома Сусанина. Старикъ едва только смѣжилъ очи сладкимъ сномъ, какъ отъ этаго стука онъ пробудился. Его сынъ Петръ несмѣлъ отпереть воротъ безъ приказанія своего отца. Стукъ въ ворота становился сильнѣе и шипче. Въ горницѣ всѣ вскочили въ испугъ.

Сусанинъ самъ вырубилъ огня изъ трутницы, а своего сына Петра высмалъ на дворъ узнать причину этаго необычайнаго стука.

— Отчиняй, отчиняй ворота! прокричали нѣсколько голосовъ, и удары сабель были слышны въ воротахъ. Петръ испугавшись вбѣжалъ въ горницу и объявилъ объ этомъ отцу своему. Но едва только онъ успѣлъ проговорить слова, какъ пуля раздребезжила окно ихъ горницы и ворота съ трескомъ растворились.

— О Іезусъ Маріа! и ты осмѣлился дежурить насъ на холоду столько времени? или ты не нюхалъ Польской сабли—это долго: за нами нестанетъ.... Такъ говорили въ бѣшенствѣ Поляки, ворвавшіеся въ домъ Ивана Сусанина. Теперь жизнь твоя на волоскѣ — одно спасеніе для тебя будетъ тогда, когда ты проведешь насъ къ Михаилу Романову, въ этотъ Ипатьевскій монастырь, которой, говорятъ не далеко отсюда; но мы не знаемъ дороги и проходовъ въ монастырь — говори! жизнь или смерть, выхвативъ саблю изъ ноженъ

въ иступленіи говорилъ Полякъ изъ ихъ отчаянной ватаги.

Старикъ Сусанинъ палъ на колѣни, умоляя пощадить жизнь его, далъ клятву имъ исполнить все то, чего они желаютъ. Поляки повѣрили словамъ старика, и просили у него, чтобъ онъ утолил ихъ голодъ. Зеленое вино, пиво и медъ, и все то, что осталось послѣ вечера, было предложено на съеденіе алчнымъ Ляхамъ — злодѣямъ отечества.

Между тѣмъ временемъ пока, эти Ляхи наполняли свои чрева, старикъ Сусанинъ въ отдаленной горницѣ рассказалъ своему сыну Петру о предстоящей гибели боярину Романову, и приказалъ ему, немедля, осѣдлатъ лошадь и скакать въ обитель Ипатьевскую, чтобъ спасти Михаила для славы и счастья земли Русскія. О, какъ слезно и горько было раставаніе его съ родимыми; но любовь къ отечеству, — любовь къ законному Государю Русскому-превозмог-

ла все! и онъ бодрый вошелъ въ горницу, гдѣ сидѣли злодѣи.

— Что такъ долго старикъ! мы уже давно кончили перекуску; пора отправляться съ нами въ дорогу, проговорили два Поляка изъ злодѣйской шайки.

— Да не много позамѣшкался.... вѣдь еще успѣемъ дойти; а лучше бы здѣлали если завтра чемъ свѣтъ, сказалъ Сусанинъ съ горькою улыбкою.

— Нѣтъ, нѣтъ, вскричало нѣсколько голосовъ — намъ ночь дороже дня — веди насъ сей часъ же; ты знаешь дорогу, а мы ее и не вѣдаемъ, что за дѣло, хоть и темно.

— Если такъ, проговорилъ старикъ Сусанинъ, то пойдете, я укажу вамъ дорогу.... Сусанинъ надѣлъ на себя теплый тулупъ, овчинную шапку; онъ три раза поклонился до земли святымъ иконамъ, перекрестился, и вышелъ изъ горницы съ злодѣями своему отечеству!..

Куда ты ведешь насъ—не видно неси?
 Сусанну съ сѣрдцемъ вскричали враги—
 Мы взнемъ и тонемъ въ грязи;
 Знать вѣрно, братъ, сбился съ пути?
 Но тѣмъ, Михаила, тебѣ не спасти....

N. N.

Была глубокая полночь—полночь темная, морозная. Все безмолствовало въ природѣ; но безмолвствуютъ-ли страсти этотъ вулканъ души; особенно души злодѣйской, въ которой совѣсть спитъ сномъ непробуднымъ?.... Жалка участь человѣка забытаго людьми; но еще жальче того, кого не терзаетъ совѣсть и не упрекаетъ его за отступленіе отъ закона. Отцы святыя, люди отщетившіеся міра и всѣхъ соблазнъ его, люди, въ сердцахъ коихъ дѣйствовала сила и благодать Господня, не напрасно изрекли эту сзятую, эту высокую истину: «Въ комъ дѣйствуетъ духъ Божій, въ томъ и совѣсть жива, а въ комъ нѣтъ его, у того совѣсть мертва; совѣсть есть орудіе

духа Божія и благодати, которое побуждаетъ душу преступную къ раскаянію; а въ комъ нѣтъ раскаянія, въ томъ нѣтъ и благодати, и ничего священнаго!»

Но обратимся къ несчастному старику Сусанину. Онъ повелъ злодѣевъ — убійцъ въ противную сторону отъ обители Ипатьевской; и вотъ они идутъ часъ и два; снѣгъ скрипитъ подъ ихъ ногами; иногда они тонутъ и вязнутъ въ полузамерзшей тинѣ болотной. Вдали зачернѣлся густой боръ; старикъ Сусанинъ ведетъ Польскую шайку туда. Вдругъ одинъ изъ Поляковъ проговорилъ звѣрскимъ голосомъ.

— Куда ты завелъ насъ старикъ? мы все передрогли, и вязнемъ и тонемъ въ снѣгу? или сбился съ дороги... смотри же худо будетъ съ тобою за это, или ты мыслишь что худое для насъ?....

— Погодите немного, друзья, скоро придемъ мы къ концу, отвѣчалъ Сусанинъ дрожащимъ голосомъ. Вѣдь теперь осень, а темь-то какая, не мудро и сбиться съ дороги... а у меня не молодецкія очи, не мышинья глаза — радъ бы радехонекъ скорѣе васъ довести до теплаго мѣста, а то право и мнѣ ужъ не въ мочь — ну, пойдете пошибче, прибавилъ Сусанинъ, удвоивъ шаги.

— Смотри же, старикъ, не заведи насъ въ какое нибудь проклятое болото — проворчалъ другой Полякъ.

Боже оброни — я знаю дорогу; да и кто лучше можетъ знать ее, какъ не я — я въ этой сторонѣ родился, возросъ и состарѣлся, отвѣчалъ Сусанинъ, идя все дальше въ непроходимую глушь. Поляки кряхтели и молчали — они съ сильнымъ нетерпѣніемъ ждали конца этаго несноснаго пути, и мысленно даже про-

клинали себя, что взялись за такое дѣло.

Прошло еще съ часъ времени ихъ пути, и глушь становилась еще чаще и темнѣй!...

Вдругъ Сусанинъ остановился — злодѣи мои, проговорилъ Сусанинъ; дорога кончена — это мѣсто да будетъ моею смертію... я спасъ Михаила Романова, котораго вы, чудовищи, хотѣли погубить, и теперь жертвую жизнию моею за Царя и отечество!

— Чудовище, извергъ! завопили Поляки — умрижь несчастный Москаль!... Сабли засверкали надъ головою сына отечества — и душа его отлетѣла къ Царю Царствующимъ, и Русская, кровь обогрила сребристый снѣгъ — кровь столь священная для каждаго Россіянина!

Свершивъ злодѣяніе, Поляки удалились отъ мѣста преступленія — они шли незная куда. Наступилъ уже день — день самой ненастной: дождь, снѣгъ, дружно

шли вмѣстѣ, какъ будто сама природа возстала на злодѣевъ — убійцъ, и оплакивала страдальческую смерть патриота!

«Гдѣ столъ былъ явствъ —
Тамъ гробъ стоитъ;
Гдѣ пиршествъ раздаванъ клики,
Надгробные тамъ воютъ лики. . .»

«Д Е Р Ж А В И Н Ъ.»

Прошло нѣсколько дней отъ этаго несчастнаго случая. Семейство Сусанина терялось въ догадкахъ, ожидая возвращенія его, и грусть и тоска легла на ихъ сердца. Какое-то страшное предчувствіе терзало ихъ души. Слезы и рыданія заступили мѣсто радостей. Петръ, старшій сынъ Сусанина, уже нѣсколько дней какъ возвратился изъ обители Ипатьевской, съ радостной вѣстію о спасеніи Михаила Романова и его матери — онъ привезъ съ собою богатые подарки благодарности отъ него.

Но гдѣжь отецъ? Эта безвѣстность мучила его и всю семью. Потерявъ терпѣніе, Петръ, пошелъ въ ту сторону села, поразспросить, не видалъ ли кто его отца, и неслыхалъ ли чего объ немъ; но отъ всѣхъ получалъ отвѣтъ грустный его сердцу. Петръ шелъ все дальше по селу, и едва миновалъ село, онъ остановился въ раздумьѣ, куда бы идти теперь ему, какъ вдали показались сани — они были запряжены въ одну лошадь, и въ нихъ сидѣлъ какой то крестьянинъ въ нагольномъ тулупѣ. Петръ все стоялъ на одномъ мѣстѣ — у него обливалось кровью сердце отъ какаго-то предчувствія. Сани подвигались все ближе и ближе, и вотъ поровнялись съ Петромъ.... крестьянинъ снялъ шапку, поклонился и остановилъ лошадь.

— Здравствуй, Петръ Ивановичь! ска-
заль крестьянинъ, вылезая изъ саней, а
я къ вамъ въ гости — узналъ ли меня

другъ? да и не одинъ, а съ хорошимъ подаркомъ.... Петръ узналъ этаго крестьянина — онъ былъ лѣсникъ дубровы, по имени черная роща. Сердце у него замерло, и онъ пошатнулся.

— Что это значить, Афонасій—такъ звали лѣсника — проговорилъ дрожащимъ голосомъ Петръ.

— Да посмотри-ка что у меня въ саяхъ.... и лѣсникъ сдернувъ рогожу, открылъ Петру изрубленный трупъ его отца!

Петръ ахнулъ и упалъ на снѣгъ, застонавъ жалобнымъ голосомъ — голосомъ сердца....

Петръ любилъ и почиталъ своего отца!

На это печальное зрѣлище сошлось нѣсколько крестьянъ, и каждой съ ужасомъ и сердечнымъ сожалѣніемъ взирали на трупъ страдальца, Патриота!

Трупъ былъ привезенъ въ домъ—и какое печальное зрѣлище представи-

лось: Плачь, рыданія, дѣти и внуки обнимали и лобызали хладный и обезображенный трупъ Сусанина, убѣленнаго сѣдинами, и ихъ слезы омывали запекшуюся кровь ихъ родимаго!...

На другой день по совершеніи обряда святой церкви надъ тѣломъ страдальца за Царя и отечество — бранные остатки, но священные для земли Русской, были преданы землѣ, и слезы и рыданія родныхъ и мирныхъ жителей всего села Ипатьева, сопровождали его въ могилу!...

О, какъ жалко имъ было повѣрить сырой землѣ, и этой мрачной могилѣ тѣло патріота, пострадавшаго за нихъ!

На общей сходкѣ села Ипатьева, лѣсникъ черной роши такъ началъ рассказъ:

— Тому назадъ будетъ дня съ два, я былъ въ лѣсу; мнѣ нужно было нарубить нѣсколько ельнику, я и пошелъ въ него — зайдя въ эту глушь, смотрю

на снѣгу кровь... меня морозъ подралъ по кожѣ—иду дальше и, о какой страхъ потрясъ мою душу! я вижу человѣка изрубленнаго... перекрестясь, я подошелъ, всматриваюсь въ лице омертвелое; что то знакомое мнѣ, и вскрикиваю отъ ужаса, отскочивъ назадъ—я узналъ старика Сусанина... опрометью бѣгу за моими товарищами, объявляю имъ это несчастіе, и при помощи ихъ, собравъ обезображенный трупъ его—вынесъ изъ лѣса и положилъ въ сани. Прошло нѣсколько времени, пока мы все это дѣлали, какъ вдругъ бѣжить изъ лѣса мой товарищъ Трофимъ, отъ страха и ужаса онъ не могъ проговорить слова, наконецъ, придя въ себя онъ сказалъ, что видѣлъ въ лѣвомъ боку рощи много замерзшихъ какихъ то солдатъ—мы всѣ съ нимъ тотчасъ туда отправились—и чтожь мы увидали?... это были Польскіе солдаты—они всѣ лежали въ кучѣ. Теперь то мы догадались, что

они были убійцы бѣднаго старика Сусанина. Скоро мы выкопали большую яму—и бухъ туда некрестей...

— Туда имъ и дорога, вскричали всѣ.

Такъ объявилъ лѣсникъ, и осыпанный благодарностями и наградами отъ крестьянъ села Ипатьева и отъ семейства Сусанина, отправился въ обратный путь.

«Любовь его сразила,
А дружба погребла!»

«Князь Долгорукий.»

Начинало смеркаться. Сани запряженные парой тихо тащились по селу, и подѣхавъ къ церкви, остановились. Двое крестьянъ соскочили съ саней, и одинъ изъ нихъ побѣжалъ въ домъ священника. Скоро усердный стражъ церкви, не замедливъ отпереть церковныя двери. Изъ саней вынули сосновой гробъ и внесли въ неё.

— До завтра, сказалъ священникъ, и снова заперъ церковь. Прощайте друзья мои.

Священникъ ушелъ домой.

— Ну, Федоръ, ты ступай съ лошадьми на дворъ, вонъ кажись это постояльи; а я только зайду на одну минутку, въ одинъ здѣшній домъ, говорилъ крестьянинъ, уходя, своему товарищу.

— Ну, смотри-жь Алексѣй, не замѣшкайся, сказалъ его товарищъ поворачивая лошадей и садясь въ сани.

— Нѣтъ, нѣтъ тотчасъ вернусь, уходя и махая рукою, говорилъ Алексѣй.

Онъ пошелъ по селу; спрашивая у каждаго о домъ Сусанина; ему указали его; и крестьянинъ, подойдя къ дому постучался въ калитку. Лай собакъ раздался на дворъ, и скоро калитка отворилась.

— Кого спрашиваешь, доброй человекъ, говорилъ, отворяя калитку моло-

дой человекъ—это былъ купецъ Рискуновъ, женихъ Маріи.

— Да есть до васъ дѣльце, отвѣчалъ крестьянинъ.

— Войди любезный!

Крестьянинъ вошелъ въ горницу, перекрестился, сдѣлавъ три увѣснстыхъ поклона святымъ иконамъ, и тотчасъ вынулъ что-то изъ за пазухи...

— Жива-ли по добру-ли, по здорову Марія, если не ошибусь, то сестра твоя, говорилъ крестьянинъ.

— Вотъ она, сказалъ Рискуновъ, указавъ на сидѣвшую у окна дѣвушку; она мнѣ не сестра, а скоро будетъ женой, прибавилъ онъ потирая руки.

— А мнѣ ее — то и надо, сказалъ крестьянинъ. У Маріи при этихъ словахъ сильно забилось сердце.

— Прими-ка милая Марія Петровна твой подарочекъ отъ сердечнаго друга... проговорилъ крестьянинъ, подавая ей свертокъ.

У Маріи задрожали руки, она скоро взяла свертокъ, развернула... и золотое кольцо съ локономъ черныхъ волосъ упали къ ней на колени...

— Это мое кольцо; оно было у Ивана; а это его волосы... въ иступленіи говорила Марія.

— Ты не ошиблась, несчастная дѣвица; ему теперъ ничего не нужно, и онъ просилъ меня при послѣднихъ минутахъ жизни своей несчастной, все это доставить тебѣ...

— Онъ умеръ?... дрожащимъ голосомъ отчаянія проговорила Марія.

— Да, умеръ — и умеръ раскаявшись истиннымъ христіаниномъ, отвѣчалъ крестьянинъ. Да вѣдь онъ здѣсь въ гостяхъ, вотъ видишь-ли въ этой церкви, и лежитъ въ сосновомъ, вѣчномъ жилищѣ...

— Погоди!... не жги меня... не мучь меня... въ сумасшествіи вскричала Марія. Онъ тамъ... я здѣсь! побѣ-

гу, полечу.... Иванъ, другъ души моей.... ты здѣсь.... ты мнѣ отдалъ кольцо обручальное.., жестокойъ Иванъ!...

Марія упала въ глубокое безпамятство, она не плакала, и слезы не лились изъ черныхъ очей ея; но грудь кипѣла и вздымалась отъ громоваго удара.

Поднялась большая суматоха въ домѣ: всѣ ухаживали за Маріей, и женихъ ея рыдалъ какъ ребенокъ, какъ дитя. Крестьянинъ объявилъ Петру Сусанину, что Иванъ, проходя изъ Москвы сюда съ толпою Поляковъ, заболѣлъ жестокою горячкою и оставленъ былъ ими у него въ домѣ, за пятьдесятъ верстъ отсюда въ деревнѣ Никольской. Опомившись, онъ просилъ этаго крестьянина, чтобъ онъ трупъ его, по смерти, свезъ въ село Ипатьево для преданія землѣ, а этотъ свертокъ вручилъ Маріи Сусаниной, давъ за эту услугу нѣсколько червонцевъ — что и

исполнилъ этотъ крестьянинъ съ вѣр-
ностію.

На другой день, по окончаніи ранней
обѣдни, приступилъ священникъ къ от-
пѣванію тѣла несчастнаго юноши.

— Пустите меня, пустите!... разда-
лся какой-то странный голосъ въ церк-
ви, сильно расталкивая народъ, собрав-
шійся на это печальное зрѣлище— это
была несчастная, убитая судьбою, Ма-
рія. Она скоро пробилась сквозь тол-
пы, окружающія гробъ Ивана, и упала
на охладѣлый, окостенѣлый трупъ сво-
его милаго... она крѣпко обняла близ-
каго своему сердцу — уста нѣжныя
впились въ хладныя уста мертвеца —
протяжной стонъ вырвался изъ пора-
женной скорбію груди ея; и эта невин-
ная, эта ангельская душа отлетѣла отъ
земнаго міра—да, она съединилась, если

не на землѣ, то въ обителяхъ горнихъ съ душею ея друга, ея милаго?...

Съ большимъ трудомъ могли оторвать почти охладѣвающее тѣло Маріи, отъ гроба, и она легла въ одну могилу съ своимъ другомъ, какъ на землѣ у нихъ была одна душа и одно сердце!...

Жалкая Марія! !

Купецъ Рисуновъ, послѣ этаго печальнаго событія, помчался въ Москву, чтобъ забыть горе — горе столь тяжкое его сердцу — онъ хотѣлъ даже погибнуть отъ Польской злобы; но недозжая двадцати верстъ до столицы, онъ узналъ, что Москва освобождена, Поляки изгнаны и земля Русская имѣетъ у себя законнаго Государя, въ лицѣ *Михаила Федоровича Романова.*

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ И ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.

178

2019339340